

Volume 17
№ 4 (61) 2021

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор, проректор Римского Университета Сапиенца, Италия

Ван Чэньсин – научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, программный менеджер Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, профессор, Россия

Ие Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Камолов С.Г. – заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Директор института международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Доктор Душан Павлович – факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Андре Тимоти – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тйаги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия

Доктор Герхард Шнайдер – Королевский колледж Лондона, факультет менеджмента и бизнеса, Ph.D. in Political Science, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 3 М.Т. Бакоев, Г.С. Исмаилова,
Л.М. Ташпулатова, Р.А. Джураева
Внедрение принципов эффективного
государственного управления в интересах
устойчивого развития в Узбекистане

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 20 П.В. Меньшиков, Л.К. Михина
Пагубность дискуссий в глобальном
медийном пространстве о пересмотре
норм международного права в сфере
обеспечения защиты от пыток
- 33 Д.Е. Матьщин
Риск неисполнения обязательств
участниками инвестиционных сделок:
превентивные гражданско-правовые
механизмы защиты прав
- 51 А.Н. Кирсанов, А.В. Кораблин
Виды, характеристика и особенности
типовых контрактов FIDIC

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- 57 Д.И. Городецкий
Инструменты поддержки
инфраструктурных проектов в условиях
глобальной борьбы с пандемией COVID-19

РЕЦЕНЗИЯ

- 68 Е.С. Зиновьева
Обеспечение международной
информационной безопасности в практике
русской дипломатии

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN**

EDITORIAL BOARD:

Franchesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Vice-Rector, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Program Manager of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Sergei G. Kamolov – Head of the Department of Public Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavín – Director of Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russia
Doctor Dušan Pavlović – Associate Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier André Timothy – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. Gerhard Schnyder – Royal College of London, Faculty of Management and Business, Ph.D. in Political Science, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF MODERN CIVILIZATION

- 3 **Matekub T. Bakoev, Gulnoza S. Ismoilova, Laylo M. Tashpulatova, Rano A. Djuraeva**
Implementation of the principles of effective public governance for sustainable development in Uzbekistan

LAW IN THE MODERN WORLD

- 20 **Petr V. Menshikov, Laurita K. Mikhina**
The perniciousness of discussions on the reconsideration of international law in the field of protection from torture in the global media space
- 33 **Denis E. Matytsin**
Risk of non-fulfillment of obligations by participants of investment deals: preventive civil law mechanisms for the protection of rights
- 51 **Alexey N. Kirsanov, Alexander V. Korablin**
Types, characteristics and features of model FIDIC contracts

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 57 **Dmitry I. Gorodetsky**
Tools to support infrastructure projects in the context of the global fight against COVID-19 pandemic

REVIEW

- 68 **Elena S. Zinovyeva**
Ensuring global cyber- security in the practice of Russian diplomacy

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

Article

ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

*Матекуб Бакоев**
*Гулноза Исмаилова***
*Лайло Ташпулатова****
*Рано Джураева*****

DOI 10.24833/2073-8420-2021-4-61-3-19

Введение. Статья посвящена вопросам гармонизации национального законодательства Узбекистана с принципами эффективного государственного управления в интересах устойчивого развития. Практическая реализация данных принципов имеет большое значение для повышения эффективности, подотчетности и открытости государ-

* **Бакоев Матекуб Тешаевич**, доктор физико-математических наук, профессор, проректор по учебным делам Университета мировой экономики и дипломатии, Узбекистан

e-mail: MBakoev@uwed.uz

ORCID ID: 0000-0003-4194-2793

** **Исмаилова Гулноза Сайдиганиходжаевна**, доктор юридических наук, проректор по науке и инновациям Университета мировой экономики и дипломатии, Узбекистан

e-mail: g.ismailova@uwed.uz

ORCID ID: 0000-0002-2244-0299

*** **Ташпулатова Лайло Маратовна**, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономическая теория» Университета мировой экономики и дипломатии, Узбекистан

e-mail: ltashpulatova@uwed.uz

ORCID ID: 0000-0002-9142-6191

**** **Джураева Рано Абдуллаевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Университета мировой экономики и дипломатии, Узбекистан

e-mail: djuraevarano12@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-9994-2062

ственных органов всех уровней в достижении целей, воплощенных в Повестке дня на период до 2030 г., и соответственно, национальных целей в области устойчивого развития. Основные элементы эффективности, подотчетности и инклюзивности в рамках Цели 16 в области устойчивого развития заложены в основу принципов, являющихся ориентирами, задающими вектор работы в области управления в интересах устойчивого развития. В работе представлен анализ нормативно-правовой базы системы государственного управления в Узбекистане, основных направлений административного реформирования, нацеленного на создание самостоятельных и компетентных институтов, эффективно взаимодействующих между собой в рамках системы профессиональной государственной службы. При этом учитываются условия, возможности и уровень развития страны, национальные стратегии и приоритеты.

Материалы и методы. Методическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания явлений и процессов (аналитическое обследование, обобщение, системно-ориентированный, функционально-аналитический, статистический подходы). Проведен мониторинг и анализ нормативных актов и официальных документов Республики Узбекистан в сфере системы государственного управления, международных и национальных статистических данных.

Результаты исследования. В ходе исследования обобщена и систематизирована нормативно-правовая база, направленная на обеспечение совершенствования системы государственного управления в рамках одного из основных элементов Цели 16 в области устойчивого развития – эффективность. Выявлено, что в целом созданная национальная правовая основа отвечает требованиям создания эффективных, подотчетных и всеохватных учреждений на всех уровнях в интересах реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Обсуждение и заключение. Активная реализация законодательных и институциональных реформ правительством Узбекистана положила начало созданию более открытой и прозрачной системы эффективного управления, способствующей имплементации ЦУР в республике. Однако существующие проблемы и вызовы свидетельствуют о том, что данная система еще далека от совершенства и требует системного подхода к созданию правовых и институциональных механизмов реализации принципов эффективного государственного управления.

Исследование

XXI век ознаменовался созданием нового глобального партнёрства в целях повышения уровня благосостояния и определил основные ценности и принципы содействия развитию. Принятые в 2015 г. Цели устойчивого развития (ЦУР) направлены на обеспечение сбалансированности всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. По каждой из 17 целей были сформулированы задачи с указанием количественных и качественных параметров, которые необходимо

достигнуть к 2030 г. В целом новая повестка дня включает 169 задач. Каждая страна, адаптируя данные цели, самостоятельно разрабатывает собственные стратегии, планы и программы по устойчивому развитию.

Выполнение задач в рамках Цели 16 устойчивого развития¹ непосредственно связано с эффективным государственным управлением, которое оказывает существенное влияние на устойчивое развитие и предполагает наличие эффективных органов и законов, поддерживающих его путем создания благоприятной среды для развития рынка и обеспечения защиты прав человека, а также участия широких масс населения в

¹ <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

процессах принятия политических решений, влияющих на их жизнь и достижение справедливых экономических и социальных результатов.

Концептуальное определение «государственное управление» по-разному трактуется различными учеными. Отдельные эксперты трактуют управление как верховенство закона, коллективное принятие решений, наращивание потенциала, обмен информацией и подотчетность. Е. Соренсен и Дж. Торфинг связали государственное управление с инновациями – средством, с помощью которого граждане и политические деятели совместно создают ценности или совместно создают различные возможности для решения сложных социальных проблем [19].

Согласно Р. Родесу, государственное управление – это не просто «правительство», оно подразумевает «самоорганизующиеся межорганизационные сети, которые дополняют рынки и иерархии в качестве управленческих структур для властного распределения ресурсов и осуществления контроля и координации» [18]. Многие эксперты считают, что именно Родес является автором научных работ, посвященных формулировке основополагающих принципов и ключевых черт модели New Public Management – нового государственного управления [16].

Другие ученые придают государственному управлению иное значение, где большую роль играют социальные факторы, а именно, формирование социального капитала. Согласно Дж. Коойману, государственное управление – это образ мышления и работы, основанный на общих ценностях, таких как доверие, честность, порядочность и подотчетность [13]. Таким образом, управление можно интерпретировать как продуктивное человеческое взаимодействие между разными людьми или отдельными людьми. Как и доверие, управление также сравнивают с приобретением знаний и навыков через приверженность изменениям и обучению [11]. Это связано с тем, что управление, как и доверие, – это многогранный вопрос со сложными проблемами. Кроме того, не существует единой универсальной модели доверия; человек может почувствовать последствия, но доверие как ценность трудно доказать. Согласно Д. Норту, создателю фундаментальной теории институциональной

экономики, государственное управление связано с институтами, которые являются правилом игры, потому что они формируют законы, правила и нормы и регулируют деятельность человека [15].

Сквозь призму реализации ЦУР государственное управление рассматривается как осуществление экономической, политической и административной власти в целях руководства развитием страны на всех уровнях. Оно включает механизмы, процедуры и институты власти, посредством которых граждане и группы граждан могут выражать свои интересы, осуществлять законные права, выполнять обязательства и разрешать противоречия. Согласно данному подходу, основными ценностями государственного управления должны быть эффективность, экономичность, результативность и социальная ответственность.

Следует отметить, что государственность Узбекистана имеет многовековую историю, берущую начало с «Уложений Тимура». В центре внимания государства всегда находились вопросы социально-экономического развития и постоянная забота о развитии науки и культуры как неизменная политика государственной важности. Именно опора на законы позволила Амиру Тимуру, помимо помощи силы своего авторитета, повысить эффективность деятельности аппарата управления, обеспечивая справедливость и беспристрастность [6]. Современный Узбекистан стремится сохранить лучшие традиции национальной государственности, заложенные нашими выдающимися предками.

Реализация ЦУР в Узбекистане совпала с масштабными реформами в рамках национальной Стратегии действий на 2017-2021 гг.², в которой ключевыми целями модернизации государства и общества определены – совершенствование государственного и общественного строительства, обеспечение верховенства закона и усиление гарантий защиты прав и свобод граждан, развитие и либерализация отраслей экономики и социальной сферы, обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществления взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики. В основу всех широкомасштабных реформ в Узбекистане заложен приоритетный принцип «Интерес-

² Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» №УП-4947 07.02.2017 <https://lex.uz/docs/3107042>

сы человека превыше всего», который созвучен с основным принципом ЦУР «Не оставить никого позади».

Для последовательной реализации ЦУР в Узбекистане было принято Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 20 октября 2018 г. «О мерах по реализации Национальных целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 г.», на основе которого сформирован национальный перечень из 16 целей, 125 задач и 200 индикаторов ЦУР, отражающих национальные приоритеты развития страны. На уровне Правительства создан межведомственный Координационный совет и утверждена «Дорожная карта» по организации имплементации Национальных целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 г.³, а с февраля 2020 г. начала свою деятельность Парламентская комиссия по мониторингу ЦУР.

В целях организации системной работы по осуществлению мер, направленных на последовательное повышение качества жизни населения, было принято Распоряжение Кабинета Министров Республики Узбекистан от 15 февраля 2016 г. по интеграции ЦУР в национальные стратегии и программы развития, включая комплексные, отраслевые и региональные⁴. Основным инструментом для мониторинга и распространения статистических данных об индикаторах ЦУР является национальная платформа [http://](http://nsdg.stat.uz)

nsdg.stat.uz, которая является единым центром для сбора, обобщения и отчетности по национальным индикаторам ЦУР. В настоящее время 105 из 125 национальных целевых показателей ЦУР (84%) охвачены в более чем 190 нормативных, программных и стратегических документах правительства. Результативность проводимых реформ отслеживается посредством глобального индекса достижения ЦУР, согласно которому Узбекистан занимает 77 место из 165 стран мира⁵.

Стратегическая цель страны в долгосрочной перспективе - войти в состав стран с высоким средним уровнем дохода к 2030 г., что подразумевает более чем двукратное увеличение душевого дохода, снижение уровня бедности и неравенства. Для достижения данной цели, начиная с 2017 г. в Узбекистане были инициированы крупномасштабные реформы в системе государственного управления. Ключевыми элементами совершенствования системы государственного управления определены:

- создание эффективных, самостоятельных и компетентных институтов, эффективно взаимодействующих между собой;
- налаживание системы профессиональной государственной службы;
- разработка комплексных программ и инициатив по противодействию коррупции;
- формирование активного гражданского общества (рис.1).

Рис.1. Совершенствование системы государственного управления.
 Источник: составлено на основе данных <http://nsdg.stat.uz/goal/18>

³ <https://lex.uz/ru/docs/4013358>

⁴ <http://nsdg.stat.uz/legislations/8>

⁵ <https://dashboards.sdgindex.org/profiles/uzbekistan>

В целях создания концептуально новой модели государственного управления с учетом современных общемировых тенденций инновационного развития 8 сентября 2017 г. Была утверждена Концепция административной реформы Республики Узбекистан⁶, в рамках которой предусмотрено выполнение следующих приоритетных задач:

- оптимизация и децентрализация системы государственного управления за счет устранения избыточных и несвойственных задач, функций и полномочий, ликвидации дублирования и параллелизма;
- деbüroкратизация и снижение издержек государственного управления, повышение эффективности деятельности и прозрачности системы принятия управленческих решений;
- внедрение системы стратегического планирования, инновационных идей, разработок и технологий;
- дальнейшее сокращение административного воздействия на отрасли экономики и расширения рыночных механизмов управления, направленного на развитие здоровой конкурентной среды, повышение инвестиционной привлекательности страны и деловой активности населения;
- формирование эффективных форм общественного и парламентского контроля, направленных, прежде всего, на предупреждение коррупционных проявлений.

Важнейшим условием достижения указанных задач является гармонизация институциональных реформ, принимаемых нормативно-правовых актов и государственных программ с Принципами эффективного государственного управления в интересах устойчивого развития⁷. Данные принципы отвечают трем основным элементам ЦУР 16: *эффективность, подотчетность, инклюзивность*. Рассмотрим насколько национальное законодательство Узбекистана соответствует первому элементу – эффективности.

Элемент «*эффективность*» включает в себя три принципа:

- 1.1. Компетентность;
- 1.2. Разумная государственная политика;
- 1.3. Сотрудничество.

В этой связи оценка внедрения принципов эффективного государственного управления в интересах устойчивого развития

должна строиться на изучении имплементации каждого из данных принципов в ходе реализации институциональных реформ в стране.

1.1. Компетентность

Передовой опыт зарубежных стран показывает, что реформирование государственной службы включает целый ряд направлений, предусматривающих четкое разграничение полномочий властных структур и повышение их ответственности; децентрализацию административных единиц с большей их ориентацией на качество и эффективность; снижение уровня бюрократизации государственных служб; повышение престижа профессии государственного служащего; формирование действенной системы мотивации сотрудников государственных органов к непрерывному профессиональному развитию; совершенствование системы материального стимулирования государственных служащих [4].

Административная реформа в Узбекистане реализуется на основе принципа «Не народ должен служить государственным органам, а государственные органы должны служить народу».

В целях повышения эффективности государственной гражданской службы, обеспечения потребностей государственных органов и организаций в квалифицированных кадрах, а также продвижения по службе гражданских служащих с учетом их профессиональных качеств Указом Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному совершенствованию кадровой политики и системы государственной гражданской службы в Республике Узбекистан» от 3 октября 2019 г. определены приоритетные направления дальнейшего совершенствования и реформирования государственной гражданской службы⁸:

- применение принципа меритократии, предусматривающего принятие на государственную гражданскую службу и продвижение по службе наиболее достойных и способных лиц на основе справедливой и объективной оценки их профессиональных качеств и особых заслуг;
- внедрение «карьерной модели» государственной гражданской службы, предусматривающей последовательное прохож-

⁶ <https://lex.uz/docs/3331176>

⁷ <https://undocs.org/ru/E/2018/44>

⁸ <https://lex.uz/docs/4549993>

дение должностных ступеней служебной карьеры с регулярным повышением квалификации кадров, а также с категорированием государственных гражданских служащих и присвоением им квалификационных рангов (чинов);

- принятие на государственную гражданскую службу на основе открытого независимого конкурсного отбора, позволяющего объективно оценить все достоинства и преимущества кандидата;

- введение единой системы оплаты труда государственных гражданских служащих;

- формирование эффективного и профессионально подготовленного кадрового резерва на национальном, республиканском, отраслевом и региональном уровнях;

- внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в сфере управления персоналом и развития человеческих ресурсов в государственных органах и организациях;

- внедрение эффективной системы социальных гарантий, а также мотивация и стимулирование государственных гражданских служащих к повышению профессионального мастерства и эффективности своей деятельности.

Данным Указом было образовано Агентство развития государственной службы Республики Узбекистан (АРГОС), ответственное за реализацию единой государственной политики в сфере управления персоналом и развития человеческих ресурсов, подчиняющееся и подотчетное Президенту Республики Узбекистан.

Исследования показывают, что в странах, применяющих принцип меритократического управления, наблюдается более высокий уровень экономического развития [10]; растет потенциал и эффективность работы государственных служащих [7]; отмечается более высокий уровень доверия среди своего населения благодаря подотчетности [14]; регистрируется низкий уровень коррупции [17]; рост компетентных и высокообразованных государственных служащих приводит к повышению налоговых поступлений в бюджет, более эффективному управлению государственными финансами и стабильному экономическому росту [8]. Важный аспект меритократии проявляется в том, что реализация данного принципа

может предоставить талантливым и трудолюбивым людям всех слоев общества средство для продвижения и возможность внести свой вклад в благосостояние всего общества, а значит, в достижение целей устойчивого развития [3].

В целях установления единых принципов и правил этического поведения работников органов государственного управления и органов исполнительной власти на местах, создания условий для добросовестного и эффективного исполнения ими служебных обязанностей, предупреждения злоупотреблений на государственной службе Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 2 марта 2016 г. утверждены Типовые правила этического поведения работников органов государственного управления и органов исполнительной власти на местах, что является одним из критериев оценки качества профессиональной деятельности и служебного поведения государственного служащего по принципу компетентности⁹.

В условиях глобализации важное значение для повышения эффективности управленческих решений имеет развитие информационных технологий. Внедрение ИКТ в хозяйственный механизм, системы управления малым и крупным бизнесом, а также процесс создания «электронного правительства» позволяет усилить «прозрачность» в борьбе с коррупцией, расширять демократию и обеспечить доступ бедных к информации, участию в рынках. По мнению многих экспертов, именно коррупция – ключевой элемент экономической неэффективности и серьезное препятствие на пути сокращения масштабов нищеты и развития [9].

Цифровизация преобразует государственные услуги, повышая тем самым качество и эффективность государственного сектора [2]. Улучшение государственного управления для граждан напрямую связано с необходимостью развития информационного общества на основе инфраструктуры – электронного правительства [1].

Именно поэтому создание необходимых институциональных основ играет важную роль в ускорении процессов цифровизации в области государственного управления. Принятые в Узбекистане еще в начале 2000-х Закон «Об электронной цифровой подписи», Закон «Об электронном документообо-

⁹ <https://lex.uz/docs/2911871>

роте», Закон «Об электронной коммерции», Закон «Об электронных платежах» были направлены на создание нормативно-правовой базы в сфере информатизации, государственных информационных ресурсов, стимулирование развития торговли с использованием современных информационных технологий, ускорение внедрения электронных технологий в управлении на всех уровнях, биржевой торговле, банковской сфере, включая платежный оборот коммунальных услуг и т.д.

За последнее время значительно укрепилась нормативная база в сфере электронного правительства. Так, в 2017 г. начала действовать новая версия Единого портала интерактивных государственных услуг (my.gov.uz), в 2018 г. образован Фонд поддержки развития цифровой экономики «Цифровое доверие» с целью привлечения и консолидации средств инвесторов для реализации проектов в сфере на условиях государственно-частного партнерства, в том числе связанных с внедрением технологии блокчейн. Указ Президента Республики Узбекистан от 19 февраля 2018 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию сферы информационных технологий и коммуникаций», а также Постановление Президента Республики Узбекистан от 19 февраля 2018 г. «Об организации деятельности Министерства по развитию информационных технологий

и коммуникаций Республики Узбекистан» направлены на дальнейшее развитие современных информационных технологий и коммуникаций, создание целостной системы оказания электронных государственных услуг, внедрение новых механизмов диалога государственных органов с населением. В настоящее время идет реализация свыше 200 приоритетных проектов, предусматривающих совершенствование системы электронного правительства, дальнейшее развитие отечественного рынка программных продуктов и информационных технологий, организацию во всех регионах республики IT-парков, обеспечение данной сферы квалифицированными кадрами.

Опыт создания электронного правительства в ЕС в рамках программы «Электронная Европа», принятой в 2000 г., показал, что для достижения высокой эффективности системы государственного управления были поэтапно решены следующие задачи:

- создание информационно-коммуникационной инфраструктуры и обеспечение равного доступа к ней для всех поставщиков услуг;
- четкая законодательная база для концепции электронного правительства и всех ее элементов;
- квалифицированные специалисты;
- глобальное покрытие сетей по всему ЕС [12].

Таблица 1.

Индекс развития электронного правительства (EGDI) Узбекистана

Год	Рейтинг	EGDI	Индекс онлайн-услуг	Индекс телекоммуникационной инфраструктуры	Индекс человеческого капитала
2016	80	0,5434	0,6884	0,6954	0,2463
2018	81	0,6207	0,7917	0,7396	0,3307
2020	87	0,6665	0,7824	0,4736	0,7434

Источник: United Nations E-Government Survey: 2020 Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development With addendum on COVID-19 Response¹⁰.

Реализации мер по данным направлениям позволила добиться высокого уровня развития электронного правительства в странах ЕС, что отражается в рейтингах Индекса развития электронного правительства ООН (EGDI), публикуемого раз в два года. В соответствии с методикой индекса оценка развития электронного правительства опре-

деляется как средневзвешенная величина трех субиндексов: субиндекса развития онлайн-услуг государственных сервисов, субиндекса телекоммуникационной инфраструктуры и субиндекса человеческого капитала. В 2020 г. Узбекистан по данному индексу занял 87 место среди 193 стран мира, снизив рейтинг на 6 пунктов по сравнению с 2018 г.

¹⁰ [https://publicadministration.un.org/.2020 Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development With addendum on COVID-19 Response](https://publicadministration.un.org/.2020%20Digital%20Government%20in%20the%20Decade%20of%20Action%20for%20Sustainable%20Development%20With%20addendum%20on%20COVID-19%20Response). <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey.pdf>

При этом, с общим значением индекса 0,67, что выше среднего мирового индекса в 0,60, страна находится в группе стран с высоким EGDI. Наиболее высоко оценен индекс широты охвата и качества предоставления онлайн-услуг – 0,7824. Следует подчеркнуть, что благодаря расширению охвата образованием, включая высшее, значение индекса человеческого капитала увеличилось по сравнению с 2018 г. В 2,2 раза.

Развитие электронного институционализма в республике находится в начале пути, но уже является фактором устойчивого экономического роста: способствует расширению конкурентных рынков, делает более прозрачными действия правительства, привлекает иностранный капитал, ведет к снижению транзакционных издержек и экономическому росту. Так, темпы роста ВВП в Республики Узбекистан за период 2016-2019 гг. составляли 5-6 % в год, а в период пандемии коронавируса, несмотря на кризисную ситуацию в мире, негативные последствия отразились не спадом в экономике, а только снижением темпов экономического роста до 0,6%, что гораздо выше, чем в большинстве других стран¹¹.

Цифровизация системы государственного управления в Узбекистане, предусмотренная Стратегией внедрения электронного правительства, включает в себя комплекс взаимосвязанных мер и мероприятий, предусматривающих:

1. Улучшение процессов государственного управления (внутриведомственного и межведомственного) посредством внедрения электронной администрации и скоординированных информационных баз данных;
2. Улучшение взаимосвязи с гражданами, организациями посредством обеспечения электронного доступа к управлению.

С целью дальнейшего развития информационных технологий принято постановление Президента «О мерах по широкому внедрению цифровой экономики и электронного правительства» от 28 апреля 2020 г.¹² Кроме того, совершенствование системы электронного правительства, дальнейшее развитие отечественного рынка программных продуктов и информационных технологий стали приоритетными направлениями реализации Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030», утвержденной 5 октября 2020 г.¹³

Компетентность	Нормативно-правовая база
	1. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции административной реформы в Республике Узбекистан» №УП-5185 08.09.2017.
	2. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении типовых правил этического поведения работников органов государственного управления и органов исполнительной власти на местах» № 62 02.03.2016.
	3. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному совершенствованию кадровой политики и системы государственной гражданской службы в Республике Узбекистан» № УП-5843 03.10.2019.
	4. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию сферы информационных технологий и коммуникаций» № УП-5349 19.02.2018.
	5. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организации деятельности Министерства по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан» № ПП-3549 19.02.2018.

1.2. Разумная государственная политика – принцип эффективности государственного управления, подразумевающий реализацию согласованных между собой направлений государственной политики и имеющих реальную основу для достижения намеченных результатов.

В настоящее время в Узбекистане активно используются методы стратегического планирования и прогнозирования социально-экономического развития путем разработки государственных программ, направленных на реализацию важнейших макро-

экономических приоритетов, включая инвестиционные, отраслевые, национальные и другие. В целях устойчивого социально-экономического развития республики поэтапно формируется система программных документов, позволяющая определить цели и приоритеты развития экономики республики.

В Узбекистане ежегодно утверждаются Государственные программы, которые разрабатываются в целях реализации конкретных приоритетов и решения задач экономической политики. В данных про-

¹¹ <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/uzbekistan/overview>.

¹² <https://lex.uz/docs/4800661>

¹³ <https://lex.uz/ru/docs/5031048>

граммах определяются сроки реализации и ответственные исполнители конкретных мер, каждая из которых закрепляется за одним или несколькими министерствами и ведомствами, межведомственными рабочими группами и др.; производится стоимостная оценка программы с измерением расходов финансовых средств по каждому мероприятию; формируются источники финансирования мероприятий программы; налаживается система мониторинга за ходом выполнения мероприятий программы со стороны отдельных исполнителей с предоставлением надежной статистики и отчетности. В ходе мониторинга обычно используются начальный и конечный индикатор, отражающий результат реализации поставленных задач по каждому мероприятию.

Важным направлением совершенствования государственной политики является укрепление национальных статистических систем. В Узбекистане проводится последовательная работа по повышению качества и достоверности статистической информации, обеспечению объективного и достоверного отображения социально-экономических процессов, происходящих в республике, в том числе в специальных изданиях и базах данных международных организаций.

Утвержденная 3 августа 2020 г. Национальная Стратегия развития статистики Республики Узбекистан в 2020-2025 гг. нацелена на стабильное развитие национальной системы статистики в среднесрочной перспективе и предусматривает достижение следующих целей¹⁴:

- улучшение правовой и организационной инфраструктур;
- совершенствование статистической инфраструктуры;
- улучшение взаимоотношений между пользователями и поставщиками статистической информации;
- улучшение информационно-коммуникационной инфраструктуры обработки статистической информации;
- совершенствование отдельных статистических направлений и методологий.

Для успешной реализации государственной политики важно внедрять каче-

ственно новые и инновационные способы организации деятельности правительства, повышать самостоятельность и ответственность руководителей ведомств за достижение конкретных результатов в закреплённых сферах. Указом Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по повышению ответственности Кабинета Министров Республики Узбекистан за эффективность реализации стратегических задач социально-экономического развития страны» от 28.01.2019 в качестве приоритета определено кардинальное изменение организационно-штатной структуры Правительства, существенное упрощение процедуры экспертизы документов, обеспечение мобильности и оперативности принятия решений, внедрение принципиально новой системы оценки деятельности органов исполнительной власти всех уровней и их руководителей, основанной на достижении конкретных показателей и целевых индикаторов, обеспечение качества и эффективности реализации программ стратегического развития отраслей экономики и социальной сферы на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы¹⁵.

Принятый в конце 2019 г. Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» более четко регламентирует состав и порядок формирования Кабинета Министров, его полномочия, функции и организацию деятельности. Данным законом за Кабинетом Министров закрепляется статус центра координации деятельности государственных органов, определен механизм реализации и повышения его ответственности за осуществление глубоких и структурных преобразований в экономической, финансовой, денежно-кредитной, инвестиционной, социальной, культурно-гуманитарной сферах, в сферах образования, науки, здравоохранения, экологии и других, а также во внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности на основе комплексного анализа текущей ситуации и выработки моделей их стратегического развития на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы.

¹⁴ Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию и развитию национальной системы статистики Республики Узбекистан» № ПП-4796 03.08.2020 <https://lex.uz/ru/docs/4926743>

¹⁵ <https://lex.uz/docs/4182359>

Взаимодействие науки и политики – еще один важный аспект реализации эффективной государственной политики. Ускоренное развитие экономики и социальной сферы напрямую зависит от широкого использования научно-инновационного потенциала, определения приоритетных направлений непрерывного реформирования науки на перспективу, подготовки самостоятельно мыслящих высококвалифицированных кадров, обладающих современными знаниями, поднятия работ по модернизации научной инфраструктуры на качественно новый уровень. Концепция развития науки до 2030 г., утвержденная Указом Президента Республики Узбекистан от 29.10.2020, предусматривает адаптацию сферы науки к требованиям современной экономики, а именно, реализацию кардинальных структурных, организационных, финансовых, кадровых, инфраструктурных реформ и преобразований, регулируемых соответствующей правовой базой в сфере науки¹⁶. Данные меры направлены на достижение вхождения Узбе-

кистана в перечень 50 ведущих стран мира в рейтинге «Глобальный инновационный индекс» до 2030 г.

В последние годы Республика Узбекистан уделяет большое внимание формированию системы межведомственного электронного взаимодействия [5]. В целях совершенствования обмена данными между государственными органами посредством информационно-коммуникационных технологий Постановлением Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему сокращению бюрократических барьеров и внедрению современных управленческих принципов в деятельность государственных органов и организаций» от 09.12.2019 предусмотрено с 1 января 2021 г. формировать и осуществлять отчетность и документооборот между государственными органами и организациями, их структурными подразделениями в электронном виде с полным отказом от заполнения бланков, форм и таблиц в бумажном виде¹⁷.

Разумная государственная политика	Нормативно-правовая база
	1. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции административной реформы в Республике Узбекистан» №УП-5185 08.09.2017.
	2. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении концепции совершенствования нормотворческой деятельности» №УП-5505 08.08.2018.
	3. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию деятельности по правовому сопровождению осуществляемых реформ» №УП-5395 03.04.2018.
	4. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному совершенствованию системы реализации государственной политики в сфере экономического развития» №УП-5621 10.01.2019.
	5. Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по повышению ответственности Кабинета Министров Республики Узбекистан за эффективность реализации стратегических задач социально-экономического развития страны» №УП-5644 28.01.2019.
	6. Постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему сокращению бюрократических барьеров и внедрению современных управленческих принципов в деятельность государственных органов и организаций» №ПП-4546 09.12.2019.
	7. Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» №ЗРУ-591 10.12.2019.
	8. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организационных мерах по совершенствованию деятельности научно-исследовательских учреждений по вопросам социально-экономического развития» №ПП-3534 15.02.2018.
	9. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному обновлению государственной политики в сфере развития экономики и сокращения бедности» №УП-5975 26.03.2020.
	10. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию и развитию национальной системы статистики Республики Узбекистан» №ПП-4796 03.08.2020.
	11. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития науки до 2030 года» №УП-6097 29.10.2020.
	12. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы оценки регуляторного воздействия» №ПП-5025 15.03.2021.

1.3. Элемент «сотрудничество» Принципов эффективного управления предусматривает совместные действия государ-

ственных органов на всех уровнях власти и негосударственных субъектов при решении проблем, представляющих общий интерес.

¹⁶ <https://lex.uz/docs/5073449>

¹⁷ <https://www.lex.uz/docs/4634625>

В Постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему сокращению бюрократических барьеров и внедрению современных управленческих принципов в деятельность государственных органов и организаций» от 09.12.2019 в качестве приоритета определено повышение уровня доверия граждан к государственным институтам и коренное изменение отношения и ответственности государственных служащих за вверенный участок работы. В связи с этим предусмотрено искоренить устаревшие бюрократические методы работы, низкий уровень внедрения современных информационных технологий в документооборот, существенный объем бумажной волокиты, а также сокращение количества излишних совещаний и заседаний.

В контексте принципа сотрудничества в рамках принципов эффективного управления важное значение имеет широкая осведомленность различных институтов, населения и бизнеса о программных мерах правительства по реализации стратегии развития. В этих целях перед министерствами и ведомствами поставлены задачи: организация эффективной работы по реализации Национальных целей и задач устойчивого развития, обеспечение межсекторальной координации и интегрированного подхода к достижению ЦУР; обеспечение включения Национальных ЦУР при разработке отраслевых, региональных и целевых программ развития, стратегий и концепций; заслушивание отчетов министерств, ведомств и рабочих групп по вопросам реализации и достижения результатов Национальных ЦУР.

В настоящее время активное использование сетевых ресурсов является неотъемлемым аспектом эффективного государственного управления. Виртуальная приемная и Народные приемные Президента Республики Узбекистан, а также созданные в каждом государственном органе специальные подразделения по работе с обращениями граждан стали эффективным механизмом налаживания открытого диалога между государственными органами и населением, выявления актуальных проблем, обеспечения рассмотрения обращений государственными органами и иными организациями.

В соответствии с Постановлением Президента «О дальнейших мерах по обеспечению независимости средств массовой информа-

ции и развитию деятельности пресс-служб государственных органов и организаций» от 27 июня 2019 г. было создано Агентство информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан (АИМК), которое осуществляет работу по обеспечению открытости деятельности государственных органов¹⁸. Целью деятельности АИМК является существенное усиление работы в информационной сфере, выведение на качественно новый уровень деятельности пресс-служб государственных органов и организаций, средств массовой информации для того, чтобы оперативно и надлежащим образом реагировать на возникающие вызовы в медиа-пространстве, запросы общества на своевременное предоставление всеобъемлющей информации о широкомасштабных реформах в стране. По согласованию с АИМК назначены около 140 пресс-секретарей государственных органов и организаций, организована деятельность пресс-служб в 186 районных и городских хокимиятах Узбекистана, опубликован в СМИ первый официальный рейтинг пресс-служб госорганов Узбекистана, в который вошли около 80 министерств, ведомств и хозяйствующих субъектов. Для своевременного информирования населения и обеспечения прозрачности деятельности госорганов в период карантина, АИМК совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами открыло канал «Коронавирус инфо», в котором ежедневно размещается самая актуальная информация, а также комментарии экспертов по волнующим общество вопросам. Кроме того, налажено ежедневное проведение брифингов в штабе АИМК с участием руководства министерств юстиции, здравоохранения, внутренних дел, обороны и других ведомств. Все это способствует консолидации усилий в вопросах повышения доверия населения к госорганам, обеспечения информационной безопасности и повышения имиджа страны.

Опыт показывает, что гарантия осуществления административных реформ органически связана с формированием институтов гражданского общества. Партнерство общественных организаций с властными структурами является основным условием либерализации государственного управления и административного реформирования.

За последние годы в Узбекистане проведена последовательная работа по поддержке

¹⁸ <https://lex.uz/docs/4390515>

негосударственных некоммерческих организаций (ННО) и других институтов гражданского общества, усилению социального партнерства между ними и государственными органами, осуществлению действенного общественного контроля, а также совершенствованию правовой базы, регулирующей данную сферу. Принято около 20 законов, актов Президента Республики Узбекистан и решений Правительства, обеспечивающих правовые гарантии ННО и отвечающая современным демократическим требованиям и международным стандартам. Создана Общественная палата при Президенте Республики Узбекистан, деятельность которой направлена на представление интересов ННО, выполнение роли моста между ними и государством. Для эффективного проведения открытого диалога с населением налажена деятельность общественных советов при государственных органах.

За 2017-2020 гг. количество ННО, являющихся основными институтами гражданского общества, увеличилось на 20,7%, в том числе 187 крупных республиканских ННО начали свою деятельность. За этот период из Государственного бюджета были выделены средства в размере 117 млрд сумов для поддержки более 1 270 проектов ННО и других институтов гражданского общества.

Указом Президента Республики Узбекистан от 04.03.2021 г. утверждена Концепция развития гражданского общества в 2021-2025 гг.¹⁹, нацеленная на:

- последовательное совершенствование правовых основ развития гражданского общества;
- оказание содействия институтам гражданского общества и дальнейшее совершенствование механизма их государственной поддержки;
- создание необходимых условий для активного участия институтов гражданского общества в государственном и общественном управлении;
- дальнейшее расширение участия институтов гражданского общества в реализации государственных социальных проектов;
- обеспечение открытости деятельности институтов гражданского общества.

В Дорожной карте по реализации данной Концепции определен комплекс целе-

вых показателей, включая меры значительной государственной поддержки институтов гражданского общества. В частности, планируется рост объема выделяемых средств в 1,8 раза к 2025 г.

В рамках Концепции с 1 апреля 2021 г. вводится Индекс открытости деятельности ННО, в котором на основе результатов их работы, уровня социального партнерства, эффективности использования выделенных субсидий, грантов, социальных заказов и других важных показателей составляется ежегодный рейтинг.

В Узбекистане особой формой партнерства, выполняющей роль надежного «моста» между народом и государством, поддержки семьи и женщин, является институт махалли (орган самоуправления граждан) как уникальная социальная структура общества. Закон Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан» не допускает вмешательства государственных органов и их должностных лиц в деятельность органов самоуправления граждан, также в соответствии с законом государственные органы создают необходимые условия для осуществления деятельности органов самоуправления граждан, оказывают им содействие в реализации полномочий, предоставленных законодательством²⁰. В настоящее время по всей республике число сходов граждан и органов самоуправления – махаллинских комитетов превысило 10 тысяч. За прошедшие 4 года внедрена эффективная система сотрудничества по выявлению и решению проблем населения на основе принципа «махалля – сектор – Народная приемная – махалля».

В целях обеспечения благополучия населения, поднятия на новый уровень системы работы с семьями и женщинами, повышения социальной активности представителей старшего поколения, дальнейшего укрепления роли и статуса органов самоуправления граждан по превращению махалли в территорию без преступности, было образовано Министерство по поддержке махалли и семьи Республики Узбекистан в соответствии с Постановлением Президента Республики Узбекистан № ПП-4602 от 18 февраля 2020 г. «Об организации деятельности Министерства по поддержке махалли и семьи Республики Узбекистан»²¹ и Указом Президен-

¹⁹ <https://lex.uz/ru/docs/5319760>

²⁰ <https://www.lex.uz/acts/2156897>

²¹ <https://lex.uz/docs/4740337>

та Республики Узбекистан от 18 февраля 2020 г. «О мерах по оздоровлению социально-духовной атмосферы в обществе, дальнейшей поддержке института махалли, а также поднятию на новый уровень системы работы с семьями и женщинами»²².

В функции нового министерства входят вопросы семьи, женщин и социально-духовной обстановки, социальной защиты престарелых и воспитания молодежи, а также развития семейного предпринимательства и малого бизнеса.

Сотрудничество	Нормативно-правовая база
	1. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному сокращению и дальнейшей оптимизации межведомственных коллегиальных органов» №УП-5527 28.08.2018.
	2. Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по повышению ответственности Кабинета Министров Республики Узбекистан за эффективность реализации стратегических задач социально-экономического развития страны» №УП-5644 28.01.2019.
	3. Постановление Президента Республики Узбекистан «О внедрении качественно новой системы организации работы правительства Республики Узбекистан» №ПП-4136 28.01.2019
	4. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по реализации национальных целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 года» №841 20.10.2018.
	5. Постановление Президента Республики Узбекистан «О дальнейших мерах по обеспечению независимости средств массовой информации и развитию деятельности пресс-служб государственных органов и организаций» №ПП-4366 27.06.2019.
	6. Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по повышению эффективности общественного контроля за проводимыми реформами в социально-экономической сфере, а также активности граждан в осуществлении демократических преобразований в стране» №ПП-4473 04.10.2019.
	7. Указ Президента Республики Узбекистан «О создании Общественной палаты при Президенте Республики Узбекистан» №УП-5980 16.04.2020.
	8. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития гражданского общества в 2021 - 2025 годах» №УП-6181 04.03.2021.
	9. Закон Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан» (новая редакция) № ЗРУ-350 22.04.2013.
	10. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организации деятельности Министерства по поддержке махалли и семьи Республики Узбекистан» №ПП-4602 18.02.2020.

Заключение

В ходе исследования делается вывод о том, что реализация ЦУР в Узбекистане идет в русле масштабной программы экономических, социальных и институциональных реформ. Национальные цели устойчивого развития, принятые в стране, находят конкретное отражение в разрабатываемых стратегиях развития экономики в целом, отраслей и регионов. Достижение данных целей непосредственно связано с созданием эффективной системы управления, отвечающей основным элементам ЦУР 16 - эффективности, подотчетности, инклюзивности. В статье систематизирована национальная правовая база в соответствии с первым элементом - эффективностью. В частности, рассмотрены нормативно-правовые акты в рамках принципов компетентности, разумной государственной политики, сотрудничества. Исследование показало, что воля правительства решать системные проблемы через законодательные и институциональные реформы способствовало

созданию более открытого и прозрачного процесса подготовки проектов законов. За период с сентября 2016 г. по январь 2020 г. новым правительством было принято или изменено как минимум 165 законов. Многие из них направлены на реформирование судебной системы, уголовных, гражданских и экономических процедур, системы здравоохранения, государственных закупок, распространение правовой информации, борьбу с коррупцией, защиту женщин от домогательства и жестокости, а также на гарантию прав и возможностей для женщин и мужчин. Многие из них находятся на этапе подготовки проекта и ожидают принятия, в том числе, закон об общественных собраниях, обязательной медицинской страховке и закон о торговле людьми [20]. Это позволяет сформировать прочную законодательную основу, соответствующую международным нормам и стандартам, что в свою очередь, улучшит сотрудничество между правительством, органами, занимающимися правами человека и гражданским обществом в достижении ЦУР на период до 2030 г.

²² <https://lex.uz/docs/4740347>

Институциональные реформы позволили сформировать гражданское общество, включая создание независимых средств массовой информации, возможности большей свободы обсуждать и влиять на принятие решений правительства и местных органов власти. Существенно усилен парламентский контроль за исполнительной властью, реализацией правовой реформы, подотчетностью органов власти перед населением, соблюдением прав человека.

Наряду с большими возможностями существует целый ряд вызовов и угроз в данной сфере. Основным вызовом является коррупция. Несмотря на то, что Узбекистан поднялся на 7 позиций в Индексе восприятия коррупции (Transparency International) за 2020 г., 146-я позиция из 180 стран свидетельствует о том, что республика по-прежнему в числе отстающих в регионе Восточной Европы и Центральной Азии²³. Как подчеркивается в докладе Transparency International, «Пандемия COVID-19 выявила существующие проблемы управленческого и структурного характера, привлекла внимание к повсеместно распространенной коррупции и усугубила социальное недовольство во всем регионе»²⁴. В Узбекистане развернута масштабная программа противостояния коррупции, однако многие предусмотренные меры пока не реализованы. В частности, до сих пор не принят закон о государственной службе, не внедрена система декларирования доходов государственных служащих. Дальнейшее укрепление правовых и институциональных основ противодействия кор-

рупции, растущая открытость госорганов в сфере борьбы с коррупцией, формирование нетерпимого отношения к коррупции, внедрение оценки коррупционных рисков в организациях и системы контроля соответствия требованиям, а также повышение роли гражданского общества может искоренить это зло, являющееся серьезным препятствием реализации принципов эффективного управления в достижении ЦУР.

К следующему вызову можно отнести отсутствие самостоятельности местных органов власти при решении стратегических задач в регионах, узкие полномочия в расходовании и поступлении средств в местные бюджеты, с одной стороны, и ограниченные возможности для надзорной функции в отношении представителей исполнительной власти на местах – с другой, что приводит к серьезным дисбалансам в региональном развитии.

Еще одним вызовом является наличие проблем в судебной сфере: широкие полномочия прокуроров наряду с отсутствием независимости адвокатов снижают состязательность, недостаточная цифровизация судебных процессов приводит к слабому уровню прозрачности и затрудненному доступу к правосудию.

Преодоление данных вызовов в сочетании с созданием благоприятных правовых и институциональных механизмов реализации принципов эффективного государственного управления позволит серьезно продвинуться в достижении Повестки дня на период до 2030 г. в Узбекистане.

Литература:

1. Kamolov S.G., Konstantinova A.N. E-government: way of modernization and efficiency enhancement of public governance // Journal of Law and Administration. 2017. № 1. P. 13-21. DOI: 10.24833/2073-8420-2017-1-42-13-21.
2. Лопатова Н. Международный опыт формирования цифрового правительства // Наука и инновации. 2019. № 5. С. 24–28. DOI: 10.29235/1818-9857-2019-5-24-28.
3. Макс Эверест-Филлипс. Меритократия и совершенствование государственной службы // Международный журнал реформы и практики государственной службы. № 1. октябрь 2015 // <https://www.astanahubjournal.org>.
4. Охотский Е.В., Березко В. Э. Организация государственной службы в России на современном этапе: ориентация на новое качество управления // Право и управление. XXI век. 2017. № 4(45). DOI: 10.24833/2073-8420-2017-4-45-36-46.
5. Узбекистан: Добровольный национальный обзор 2020. Нью-Йорк. 2020. 198 p. // <https://sustainabledevelopment.un.org>.
6. «Уложение Тимура» / Перевод с персидского Х. Караматова / Под научной редакцией Б. Ахмедова. Ташкент, 1999.

²³ <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/uzb>

²⁴ <https://www.transparency.org/ru/news/cpi-2020-eastern-europe-central-asia>

7. Anderson, J., Reid, G. and Ryterman, R. Understanding public sector performance in transition countries: An empirical contribution. Washington, DC: World Bank, 2003.
8. Arezki, R. and Quintyn, M. 2013. Degrees of development // Finance and Development. 50 (1).
9. Desta, Y. Manifestations and Causes of Civil Service Corruption in Developing Countries // Journal of Public Administration and Governance. Vol. 9. № 3 // <https://doi.org/10.5296/jpag.v9i3.14930>.
10. Evans, P. and Rauch, J. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of "Weberian" State Structures on Economic Growth // American Sociological Review. 1999. 64 (5). P. 760.
11. Harisalo, R., Miettinen, E. Trust capital. The third force of entrepreneurship. Tampere University Press, 2002.
12. Jesse Kivilä, Miia Martinsuo, Lauri Vuorinen. Sustainable project management through project control in infrastructure projects // International Journal of Information Systems and Project Management. 2016. № 35.
13. Kooiman, J. Modern governance: New government-society interactions. London: Sage Publication, 1993.
14. McCourt, W. Public appointments: From patronage to merit // Human Resources in Development Group Working Paper Series. Working Paper No. 9. Manchester: Institute for Development Policy and Management, University of Manchester, 2000.
15. North, D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press, 1990 // <https://doi.org/10.1017/cbo9780511808678>.
16. Panyasiri Ch. A comparative analysis of contemporary Public Management Concepts in Thailand // Journal of Public Administration and Governance. 2018. Vol. 8. № 4 // <https://doi.org/10.5296/jpag.v8i4.13708>.
17. Recanatini, F., Prati, A. and Tabellini, G. Why are some public agencies less corrupt than others? Lessons for institutional reform from survey data. Washington, DC: World Bank, 2005.
18. Rhodes, R.A.W. The new governance: Governing without government // Political Studies. 1996, 44. P. 652-667 // <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb01747.x>.
19. Sorensen, E., & Torfing, J. Designing institutional platforms and arenas for interactive political leadership // Public Management Review. Vol. 21. Issue 21(10). 2019. P. 1443-1463 // <https://doi.org/10.1080/14719037.2018.1559342>.
20. United Nations Common Country Analysis Uzbekistan_RU.pdf. January 2020 // [https://uzbekistan.un.org/sites/default/files/2020-10/United Nations Common Country Analysis Uzbekistan_RU.pdf](https://uzbekistan.un.org/sites/default/files/2020-10/United%20Nations%20Common%20Country%20Analysis%20Uzbekistan_RU.pdf).

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF EFFECTIVE PUBLIC GOVERNANCE FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN UZBEKISTAN

Introduction. The article is devoted to the issues of consistency of the national legislation of Uzbekistan with the Principles of effective public administration in the interests of sustainable development. The practical implementation of these principles is of great importance for increasing the efficiency, accountability and transparency of government bodies at all levels in achieving the goal embodied in the 2030 Agenda and, accordingly, national sustainable development goals. The core elements of efficiency, accountability and inclusiveness under Goal 16 of sustainable development, are reference points that guide the vector of governance for sustainable development. The paper presents an analysis of the regulatory framework of the public administration system in Uzbekistan, the main directions of administrative reform aimed at creating independent and competent institutions that effectively interact with each other within the framework of the professional civil service. This takes into account national conditions, opportunities and level of development, national strategies and priorities.

Materials and methods. The methodological basis of the research was formed by general scientific and special methods of learning of phenomena and processes (analytical survey, generalization, system-oriented, functional-analytical, statistical approaches). Monitoring and analysis of regulations and official documents of the Republic of Uzbekistan in the field of public administration, international and national statistical data were carried out.

Results. The study summarized and systematized the regulatory framework aimed at ensuring the improvement of the public administration system within the framework of one of the main elements of Sustainable Development Goal 16 - efficiency. In general, the established national legal framework was found to meet the requirements for the creation of effective, accountable and inclusive institutions at all levels for the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development.

Discussion and conclusion. The active implementation of legislative and institutional reforms by the government of Uzbekistan initiated the creation

of a more open and transparent system of effective governance, contributing to the implementation of the SDGs in the republic. However, the existing problems and challenges indicate that this system is still far from being perfect and requires a systematic approach to create legal and institutional mechanisms for implementing the principles of effective public administration.

Matekub T. Bakoev,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan

Gulnoza S. Ismoilova,
Doctor of Sciences (Law), Vice Rector for In-

novation, Sciences and Research Policy, Associate Professor, University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan

Laylo M. Tashpulatova,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory, University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan

Rano A. Djuraeva,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory, University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan

Ключевые слова:

Цели устойчивого развития, национальные цели и задачи в области устойчивого развития, государственное управление, принципы эффективного государственного управления, эффективность, подотчетность, инклюзивность, компетентность, разумная государственная политика, сотрудничество, цифровизация государственных услуг, коррупция, электронное правительство, административная реформа, институты гражданского общества, институт махалли.

Keywords:

sustainable development goals, national goals and objectives in the field of sustainable development, public administration, principles of effective public administration, efficiency, accountability, inclusiveness, competence, smart public policy, cooperation, digitalization of public services, corruption, e-government, administrative reform, institutes of civil society, mahalla institute.

References:

1. Kamolov S.G., Konstantinova A.N., 2017. E-government: way of modernization and efficiency enhancement of public governance. *Journal of Law and Administration*. № 1. P. 13-21. DOI: 10.24833/2073-8420-2017-1-42-13-21.
2. Lopatova N., 2019. Mezhdunarodnyj opyt formirovaniya cifrovogo pravitel'stva. [International experience in the formation of digital government.] *Nauka i innovacii [Science and innovation]*. № 5. P. 24–28. DOI: 10.29235/1818-9857-2019-5-24-28.
3. Maks Jeverest-Fillips, 2015. Meritokratija i sovershenstvovanie gosudarstvennoj sluzhby [Meritocracy and Civil Service Improvement]. *Mezhdunarodnyj zhurnal reformy i praktiki gosudarstvennoj sluzhby [International Journal of Civil Service Reform and Practice]* № 1. URL: <https://www.astanahubjournal.org>.
4. Ohotskij E.V., Berezko V.E., 2017. Organizacija gosudarstvennoj sluzhby v Rossii na sovremennom jetape: orientacija na novoe kachestvo upravlenija [Organization of civil service in Russia at the present stage: focus on a new quality of management]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 4(45). DOI: 10.24833/2073-8420-2017-4-45-36-46.
5. Uzbekistan: Dobrovol'nyj nacional'nyj obzor 2020 [Uzbekistan: Voluntary National Review 2020]. 2020. New York, 198 p. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org>.
6. Ulozhenie Timura [Timur Code]. Perevod s persidskogo H. Karamatova, pod nauchnoj redakciej B. Ahmedova [Translation from Persian by H. Karamatov, under the scientific editorship of B. Akhmedov]. Tashkent, 1999.
7. Anderson, J., Reid, G. and Ryterman, R., 2003. Understanding public sector performance in transition countries: An empirical contribution. Washington, DC: World Bank.
8. Arezki, R. and Quintyn, M., 2013. Degrees of development. *Finance and Development*. 50 (1).
9. Desta, Y., 2019. Manifestations and Causes of Civil Service Corruption in Developing Countries. *Journal of Public Administration and Governance*. Vol. 9. № 3. URL: <https://doi.org/10.5296/jpag.v9i3.14930>.
10. Evans, P. and Rauch, J., 1999. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of "Weberian" State Structures on Economic Growth. *American Sociological Review*. 64 (5). P. 760.

11. Harisalo, R., Miettinen, E., 2002. Trust capital. The third force of entrepreneurship. Tampere University Press.
12. Jesse Kivilä, Miia Martinsuo, Lauri Vuorinen, 2016. Sustainable project management through project control in infrastructure projects. *International Journal of Information Systems and Project Management*. № 35.
13. Kooiman, J., 1993. Modern governance: New government-society interactions. London: Sage Publication.
14. McCourt, W., 2000. Public appointments: From patronage to merit. *Human Resources in Development Group Working Paper Series. Working Paper No. 9*. Manchester: Institute for Development Policy and Management, University of Manchester.
15. North, D. C., 1990. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press. URL: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511808678>.
16. Panyasiri Ch., 2018. A comparative analysis of contemporary Public Management Concepts in Thailand. *Journal of Public Administration and Governance*. Vol. 8. № 4. URL: <https://doi.org/10.5296/jpag.v8i4.13708>.
17. Recanatini, F., Prati, A. and Tabellini, G., 2005. Why are some public agencies less corrupt than others? Lessons for institutional reform from survey data. Washington, DC: World Bank.
18. Rhodes, R.A.W. The new governance: Governing without government. *Political Studies*. 1996, 44. P. 652-667. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb01747.x>.
19. Sorensen, E., & Torfing, J. Designing institutional platforms and arenas for interactive political leadership. *Public Management Review*. 21(10). P. 1443-1463. URL: <https://doi.org/10.1080/14719037.2018.1559342>.
20. United Nations Common Country Analysis Uzbekistan, 2020. URL: https://uzbekistan.un.org/sites/default/files/2020-10/United Nations Common Country Analysis Uzbekistan_RU.pdf.

Article

ПАГУБНОСТЬ ДИСКУССИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ О ПЕРЕСМОТРЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ОТ ПЫТОК

*Петр Меншиков**
*Лаурита Михина***

DOI 10.24833/2073-8420-2021-4-61-20-32

***Введение.** В статье раскрывается несостоятельность имеющей место в международном медийном пространстве тенденции постановки под вопрос универсальных принципов международного права на примере дискуссии о сохранении нормы обеспечения защиты против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в условиях глобальных террористических угроз. Анализируется деятельность международных правительственных и неправительственных организаций в борьбе против пыток. Главный акцент делается на особенностях и правоприменительной практике норм международного права в сфере запрета применения пыток. Изучаются проблемы, связанные с предупреждением и распространением пыток, рассматривается динамика развития национального законодательства некоторых государств в отношении легализации применения пыток, приводятся пример нарушения запрета на пытки, а также позиция Европейского суда по правам человека в отношении применения пытки.*

***Материалы и методы.** Проводится системный анализ, задействованы сравнительные и формально-юридические методы анализа международного права против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Используются научные и общенаучные методы познания специфики международного права в сфере запрещения применения пыток и смертной казни как высшей меры наказания, а именно описательный метод.*

* **Меншиков Петр Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой медийной политики и связей с общественностью МГИМО МИД России
e-mail: p.menshikov@odin.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-6547-6032

** **Михина Лаурита Константиновна**, магистрант кафедры МПиСО «Новые медиа и стратегические коммуникации» МГИМО МИД России
e-mail: mik-laura888@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-7628-3284

Результаты исследования. За несколько десятилетий создана система международного права, которая дала трактовку понятию «пытка», ввела полный запрет на применение пыток и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Запрет на пытки является абсолютным, они запрещены международным правом, законодательством большинства стран мира, Конвенцией ООН против пыток и другими международными документами. Данный запрет не допускает никаких исключений, что, однако, не всегда имеет место, давая поводы национальным и мировым СМИ активизировать дискуссию о допустимости пересмотра данных норм международного права в интересах противодействия террористическим угрозам.

Обсуждение и заключение. Несмотря на развитие законодательства в сфере противодействия пыткам, существует ряд проблем соблюдения данной нормы международного права, среди которых находится вопрос определения понятия «жестокие, бесчеловечные или унижающее достоинство обращение или наказание», проблема нарушения международных документов в этой сфере, этический фактор в вопросе применения пыток и другие. Важной проблемой является вопрос отнесения смертной казни к высшей мере пыток и наказания, дискуссии относительно чего будут продолжаться еще долгое время. В сложившейся ситуации важными приоритетными направлениями работы ООН и других международных организаций выступают борьба с применением пыток, призыв к введению полного запрета на пытки на национальном уровне, укрепление гарантий прав граждан на защиту от них или прав на гуманитарную, экономическую и психологическую помощь в случае применения пыток по отношению к ним, поощрение проведения на гражданском уровне информационно-разъяснительных мероприятий, объясняющих их безусловный законодательный запрет, аморальность и бесчеловечность. Важной задачей всех государств является продолжение работы по достижению всеобщего и полного запрета пыток, защите прав граждан и построению инклюзивного, многостороннего и доверительного диалога между всеми государствами, а также его обеспечение на федеральном, региональном и местном уровнях с задействованием информационно-коммуникационных инструментов медийной политики и при участии всего гражданского общества.

Введение

На протяжении нескольких тысячелетий в разных государствах по отношению к людям, подозреваемым в нарушении каких-либо правил, норм или законов, применялись пытки. С развитием общества, философии, научного прогресса со временем начались дискуссии о гуманности, необходимости и эффективности применения пыток на государственном уровне по отношению к лицам, которых заподозрили в каких-либо противоправных действиях. Благодаря волне либерализации в Европе, развитию правовой науки, в мире начали обсуждаться естественные права человека на жизнь, семью, частную собственность, что со временем нашло свое проявление в ряде государственных законодательных актов (конституциях), так и в отдельных нормах международного права. В XX веке Макс Ве-

бер впервые изложил концепцию легитимной монополии на насилие государством, согласно которой только государство в лице органов власти может обладать правом на применение силы по отношению к народу. Негласно, но право власти на легитимное насилие стало неотъемлемым аспектом самого государства. Создание ООН в 1945 г., рост числа других международных организаций и развитие международного права привели к тому, что пытки и другие жестокие виды обращения и наказания стали запрещаться законодательно на национальном и международном уровне. ООН является ведущей международной организацией, которая ведет борьбу с применением и распространением пыток. В современном мире естественные права и свободы человека стали напрямую связаны с сущностью такого явления, как правовое государство. И чем больше в мире обозначался рост числа пра-

вовых государств, провозглашающих верховенство закона, тем более четко и подробно на международном уровне в рамках международных правовых актов закон стал обеспечивать защиту естественных и других прав человека и тем эффективнее стал бороться с нарушением данных прав. Основным принципом правового государства стало ограничение государственной власти в нем. Таким образом, право на защиту от пыток стали относить к основным гражданским правам и свободам человека, а свободу личности от пыток и любого рода насилия признали очевидной и естественной потребностью каждого человека.

В целях борьбы с распространением пыток мировое сообщество разрабатывает планы и стратегии по предупреждению их применения, активно призывает государства мира ввести полный запрет на их применение и разработать комплекс мер, гарантирующий защиту своих граждан от пыток, компенсацию и реабилитацию лицам, подвергшимся жестокому виду обращения. Создаются международные органы для координации действий, выстраивается комплексный механизм введения полного запрета на применение пыток и обеспечения справедливого суда над теми, кто применял пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Тем не менее, вопрос о пересмотре самого определения понятия «пытка», легитимизации их применения в интересах общества, например, в случае соответствующего решения судебных инстанций, преимущественно в ракурсе противодействия террористическим угрозам и как наказание за особо тяжкие преступления, занимает известное место в общественном дискурсе, оставаясь частью глобального медийного ландшафта современного мира [3, 6].

Исследование

С точки зрения норм международного права, применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания является грубым нарушением прав человека и не может быть оправдано никакими «особыми» обстоятельствами. Сейчас существует несколько международных и региональных документов, запрещающих применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Важнейшими среди них являются Всеобщая декларация прав человека¹, Европейская конвенция о правах человека², Международный пакт о гражданских и политических правах³, Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁴ и Конвенция ООН против пыток, которую на данный момент подписали и ратифицировали 169 стран⁵.

В связи с убеждением в полном отсутствии гуманности и зачастую достаточности оснований для применения пытки, большинство стран-членов ООН на протяжении нескольких десятилетий разрабатывали документы, призывающие к необходимости реформы и отмены применения данного вида наказания. Главным среди них и дающим наиболее полное определение пытке является Конвенция ООН против пыток, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1984 г. В соответствии со статьей 1 Конвенции ООН против пыток, пытка – это любое действие, которое совершается официально, по подстрекательству, с ведома или молчаливого согласия государственным или другим лицом по отношению к другому лицу, к которому они умышленно причиняют боль,

¹ Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version-> (дата обращения: 08.09.2021)

² Европейская конвенция о правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=basictexts&c=> (дата обращения: 05.09.2020)

³ Международный пакт о гражданских и политических правах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/openssl.pdf?reldoc=y&docid=4c0f50682> (дата обращения: 19.09.2021)

⁴ Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/DeclarationTorture.aspx> (дата обращения: 08.09.2021)

⁵ Конвенция ООН против пыток. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/catcidtp/catcidtp_ph_c.pdf (дата обращения: 07.09.2021)

физическое или нравственное страдание, чтобы получить какие-либо сведения или признание, наказать, запугать или принудить по любой причине, которая основана на любого рода дискриминации⁶.

Статья 5 Всеобщей декларации прав человека, которая была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г., гласит, что никто не должен подвергаться пыткам и другого рода насилию или наказания, а в статье 9 прописано, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию⁷.

Статья 3 Европейской конвенции о правах человека (далее – ЕКПЧ), принятой 4 ноября 1950 г. Советом Европы, гласит, что никто не должен подвергаться пыткам и другого рода жестокому обращению и наказанию. Кроме того, в ЕКПЧ прямо указаны безоговорочное право на жизнь, частную неприкосновенность, а также справедливое публичное разбирательство дел независимыми и беспристрастными судьями⁸. Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) 1966 г., аналогично ЕКПЧ включает в себя важные положения о том, что никто не должен подвергаться пыткам. Также в документе прописано, что все лишённые свободы лица имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства⁹.

Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1975 г., тоже содержит в себе определение пытки, которая в статье 1 указана как любое со стороны официального лица или по его подстрекательству намерено причиняющее сильную боль

или страдание (физическое или умственное) действие, которое направлено на получение информации, признаний или для наказания за совершенные действия этим лицом или подозрение в их совершении¹⁰. При этом отмечено, что никакая ситуация и ни одно обстоятельство в исправительном учреждении не может оправдать пытку. Документ также содержит в себе особые требования для подготовки работников правоохранительных органов и других официальных лиц, которые несут ответственность за лишённых свободы людей, и такая подготовка должна полностью исключать возможность применения пытки¹¹.

Вслед за данной декларацией 10 декабря 1984 г. Генеральной Ассамблеей ООН был принят один из важнейших международных документов, закрепляющий запрет на пытки, – Конвенция ООН против пыток. Конвенция не только предусматривает, что всеми государствами-членами ООН пытки должны рассматриваться в рамках их национального законодательства как преступления, но недвусмысленно вводит запрет на любые ссылки на «приказ вышестоящего лица» или «на исключительные обстоятельства» для оправдания пыток (даже состояние войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение не является оправданием в данном случае)¹². Кроме того, ни одно государство, подписавшее и ратифицировавшее Конвенцию, не должно высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если есть серьезные основания полагать, что ему на его территории угрожает возможность применения пытки. Конвенция также предусматривает, что государства, ее ратифицировавшие, должны оказывать друг другу

⁶ Конвенция ООН против пыток. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cat-cidtp/catcidtp_ph_c.pdf (дата обращения: 04.10.2021)

⁷ Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version> (дата обращения: 15.09.2021)

⁸ Европейская конвенция о правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=basictexts&c=> (дата обращения: 05.09.2021)

⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/cgi-bin/txis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=4c0f50682> (дата обращения: 05.09.2021)

¹⁰ Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/DeclarationTorture.aspx> (дата обращения: 05.09.2021)

¹¹ Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/DeclarationTorture.aspx> (дата обращения: 05.09.2021)

¹² Конвенция ООН против пыток. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cat-cidtp/catcidtp_ph_c.pdf (дата обращения: 05.09.2021)

уголовно-процессуальную помощь и обмениваться судебными практиками в отношении дел, связанных с пытками. Так, каждая страна-участница Конвенции должна в системе своего национального законодательства создавать инструменты для возмещения жертвам пыток, а также право для них на справедливую и адекватную компенсацию, в том числе средства для наиболее полной реабилитации пострадавших¹³. Именно эта Конвенция и определила создание Комитета против пыток ООН.

Действуют также ряд других международных документов, запрещающих пытки, среди которых: Женевские конвенции 1949 г., Венская декларация и Программа действий¹⁴, Кодекс поведения лиц по поддержанию правопорядка¹⁵, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме¹⁶, Резолюция Комиссии ООН по правам человека¹⁷, Резолюция ЭКОСОС ООН от 25 мая 1984 года¹⁸.

Так, Женевские конвенции, принятые в 1949 г., являются важным элементом в структуре международного гуманитарного права и применяются в случае международного вооруженного конфликта. Но положения Второго дополнительного протокола также применимы к конфликтам, происходящим внутри страны. Например, статья 3 Протокола запрещает пытки и жестокое обращение с любыми лицами при любых обстоятельствах. Сюда статья, безусловно, относит и тех, кто сложил оружие, и тех, кто был выведен из боевых действий из-за болезни, ранений или любой другой причины. Данная статья Протокола призывает обращаться гуманно с каждым человеком и без каких-либо различий по признаку расы,

цвета кожи, религии или веры и другим признакам¹⁹.

Венская декларация и Программа действий, принятая на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. обязала все страны-члены ООН разрабатывать и принимать программы, направленные на обеспечение уважения и соблюдения прав и основных свобод человека. Так, пункт 5 раздела «Свобода от пыток» международного документа, как и положения Второго протокола Женевских конвенций, гласит, что свобода от пыток должна быть гарантирована при любых обстоятельствах, даже во время любого рода беспорядков и конфликтов как международных, так и внутренних. В данном пункте также указано, что странам надлежит отменить то законодательство, в соответствии с которым лица, грубо нарушившие права человека, в том числе посредством пытки, остаются безнаказанными, и следует ввести соответствующие меры наказания. Только так государства смогут создать прочную основу для обеспечения законных прав и свобод граждан²⁰.

17 декабря 1979 года Генеральная Ассамблея ООН утвердила Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, где ясно говорится о том, что ни одно должностное лицо не может осуществлять пытку, подстрекать на ее применение или терпимо относиться к пытке или другим видам жестокого обращения и наказания. Как и Конвенция ООН против пыток, этот документ также содержит в себе важные положения, что ни одно должностное лицо не может ссылаться на распоряжения вышестоящих лиц или исключительные обстоятельства для оправдания пытки ил и другого вида насилия²¹.

¹³ Конвенция ООН против пыток. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cat-cidtp/catcidtp_ph_c.pdf (дата обращения: 08.09.2021)

¹⁴ Венская декларация и Программа действий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://max.book118.com/html/2018/0225/154614494.shtm> (дата обращения: 05.09.2021)

¹⁵ Кодекс поведения лиц по поддержанию правопорядка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/zh/documents/treaty/files/A-RES-34-169.shtml> (дата обращения: 05.09.2021)

¹⁶ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ottfss.net/814.html> (дата обращения: 05.09.2021)

¹⁷ UN Commission on Human Rights Resolution 2005/59. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/A.59.2005.Add.3.pdf> (дата обращения: 18.10.2021)

¹⁸ UN ECOSOC Resolution 1984/50 of 25 May 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?text=UN+ECOSOC+Resolution+1984%2F50+of+25+May+1984+&lr=213>

¹⁹ Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901070> (дата обращения: 18.10.2021)

²⁰ Венская декларация и Программа действий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://max.book118.com/html/2018/0225/154614494.shtm> (дата обращения: 18.10.2021)

²¹ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/zh/documents/treaty/files/A-RES-34-169.shtml> (дата обращения: 18.10.2021)

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, был принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 г. В целом, Свод практически полностью повторяет положения рассмотренных нами выше документов. Однако в нем указано, что сам термин «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство виды обращения или наказания» должен толковаться таким образом, чтобы обеспечить самую полную защиту против злоупотреблений физического или психологического рода²². Эту идею в настоящее время активно продвигает ООН и другие международные организации.

В 1989 г. после принятия соответствующей резолюции ЭКОСОС ООН, Генеральная Ассамблея ООН создала Принципы по эффективному предупреждению и расследованию незаконных, произвольных и суммарных казней²³. Там содержатся принципы эффективного документирования пыток, разработанных с целью применить к проблеме пыток правила расследования, которым следуют при решении вопросов незаконных казней, но отражающие специфику проблемы пыток, чтобы сделать их расследование более эффективным.

На протяжении нескольких лет также был разработан ряд других правил и норм по предупреждению пыток, которые содержат положительную правоприменительную практику стандартов. Эти стандарты исключительно важны как инструменты мониторинга выполнением государств международных обязательств в области

прав человека. К ним можно отнести такие международно-правовые акты, как два свода Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН 1957 г. и 1977 г.²⁴, Европейские тюремные правила, принятые Советом Европы в 1987 г.,²⁵ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме ООН 1988 г.²⁶, Правила ООН по защите лишенных свободы несовершеннолетних 1990 г.²⁷ и другие.

Как видно, в международном праве существует достаточное количество документов, запрещающих пытки. В то же время право ни международного, ни регионального, ни даже национального уровня не содержит нормативного определения понятия «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание». Здесь следует обратить внимание, что данное понятие в юридической практике выступает в качестве оценочного. Это, в свою очередь, означает, что в вопросе его толкование важное значение отводится практике национальных, региональных и международных судов. Например, в 1978 г. Европейский суд по правам человека при рассмотрении дела «Ирландия против Великобритании»²⁸ не признал в качестве пытки действия, когда заставляли стоять у стены в течение долгого времени в крайне неудобном положении, надевают на голову капюшон, лишают сна, пищи и питья и подвергают шумовому воздействию. Судьи пришли к выводу, что только комбинированное использование этих методов может представлять собой пытку²⁹. Также ими было обозначено, чтобы констатировать нарушение

²² Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ottffss.net/814.html> (дата обращения: 18.10.2021)

²³ Принципы по эффективному предупреждению и расследованию незаконных, произвольных и суммарных казней. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/execut.shtml (дата обращения: 18.10.2021)

²⁴ Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/treatmentprisoners.pdf> (дата обращения: 19.10.2021)

²⁵ Prison conditions in the Member States: selected European standards and best practices. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/583113/IPOL_BRI\(2017\)583113_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/583113/IPOL_BRI(2017)583113_EN.pdf) (дата обращения: 20.10.2021)

²⁶ Body of Principles for the Protection of All Persons under Any Form of Detention or Imprisonment. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/DetentionOrImprisonment.aspx> (дата обращения: 18.10.2021)

²⁷ United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/JuvenilesDeprivedOfLiberty.aspx> (дата обращения: 18.10.2021)

²⁸ Решение Европейского Суда по правам человека от 18 января 1978 по делу Ирландия против Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rroi.narod.ru/echr/translation/translation/ireland.htm> (дата обращения: 19.10.2021)

²⁹ Judgement of the European Court of Human Rights, Ireland v. the United Kingdom (18 January 1978). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/5/30/e07eaf5f-6d09-4207-8822-0add-3176f8e6/publishable_en.pdf (дата обращения: 18.10.2021)

ние запрета на пытки, необходимо выявить так называемое достижение минимального уровня жестокости, при котором должны быть учтены такие факторы, как пол пострадавшего, возраст, продолжительность жестокого обращения и т.д. [9]. Необходимо понимать, что оценка этого минимума носит относительный характер [2].

Проблема борьбы с пресечением пыток заключается в нескольких факторах. На международном уровне вопрос обеспечения правовой защиты личности против пыток осложняется тем, что большинство документов, принятых международным сообществом, относятся к категории международного «мягкого права», которое предусматривает, но не ограничивается необходимостью их претворения со стороны государств. Кроме того, подходы исследователей международного права по поводу того, какие именно международные документы относить к категории рекомендательных, могут различаться. В целом, правовая практика чаще всего относит к рекомендательным международным документам резолюции международных конференций или организаций.

Представления разных стран о том, что является пыткой, также часто не совпадают. Например, ЕКПЧ ввела запрет на пытки во всех странах, ратифицировавших ее [8]. Но запрет на пытки на законодательном уровне страны до сих пор не может в полной мере гарантировать заключенным и попавшим под стражу защиту от применения к ним пыток (Иран, Ирак, Ливия, Сирия и т.д.). В 2014 г. был опубликован сенсационный доклад о применении американскими спецслужбами пыток против лиц в лагере Гуантанамо, подозреваемых в терроризме и находящихся в секретных тюрьмах ЦРУ за рубежом. ЦРУ разработало «программу секретного содержания в заключении и проведения допросов», которую они осуществляли с 2001 по 2008 гг. В конце 2005 г. стало известно о секретных тюрьмах ЦРУ США в Европе (в Румынии, Польше и Литве). Согласно свидетельствам бывших заключенных, они так-

же подвергались сексуальному насилию со стороны персонала, среди которых около 33% от числа жертв составили женщины³⁰.

Важной проблемой, относящейся к борьбе с применением и распространением пыток, является вопрос о смертной казни. Является ли смертная казнь пыткой? [12] Однозначный ответ на этот вопрос международное сообщество не дает. На сегодняшний день смертная казнь применяется в 51 стране, в числе которых Китай (кроме Гонконга и Макао), а также Индия, Белоруссия, США, Япония, Саудовская Аравия, Ирак, Израиль, Малайзия и др. 146 стран отказались от ее применения. В России введен мораторий на исполнение высшей меры наказания. Резолюцией ЭКОСОС ООН от 25 мая 1984 г. был одобрен ряд мер, которые гарантируют защиту прав приговоренных к смертной казне³¹. Там указано, что состав особо тяжких преступлений, за которые выносится приговор в виде смертной казни, должен быть ограничен только преднамеренным преступлением со смертельным исходом или другими чрезвычайно тяжелыми последствиями. Кроме того, ясно сказано, что смертный приговор может быть вынесен только в том случае, если виновность лица, которое обвиняется в совершении преступления, установлена на основе точных, ясных, убедительных доказательств, которые не оставляют возможности для иного толкования фактов³².

Историческая резолюция Генеральной Ассамблеей ООН о «Моратории на применение смертной казни» была принята 18 декабря 2007 г. Документ был внесен на рассмотрение от имени почти 80 стран и призвал государства всего мира отказаться от применения смертной казни, которая противоречит основополагающим принципам Устава ООН³³. Тогда предложение о введении моратория поддержали 99 государств, «против» проголосовали 52 и 33 страны воздержались. Голоса «против» отдали Ирак, Иран и США. Россия проголосовала в поддержку введения моратория.

³⁰ What We Know About Violence in America's Prisons. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.motherjones.com/politics/2016/06/attacks-and-assaults-behind-bars-cca-private-prisons/> (дата обращения: 17.10.2021)

³¹ UN ECOSOC Resolution 1984/50 of 25 May 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?text=UN+ECOSOC+Resolution+1984%2F50+of+25+May+1984+&lr=213> (дата обращения: 18.10.2021)

³² UN ECOSOC Resolution 1984/50 of 25 May 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?text=UN+ECOSOC+Resolution+1984%2F50+of+25+May+1984+&lr=213> (дата обращения: 18.10.2021)

³³ Резолюция №62/149 о «Моратории на применение смертной казни» . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/472/70/PDF/N0747270.pdf?OpenElement>

В 2012 г. специальный докладчик ООН по вопросу о пытках Хуан Э. Мендес представил Генеральной Ассамблее доклад, посвященный рассмотрению смертной казни и её положению относительно международного запрета на пытки. 1 марта 2017 г. в ходе 34-й сессии Совета ООН по правам человека Верховным комиссаром ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хусейном было обозначено, что некоторые методы приведения смертных приговоров в исполнение, например, страдания осужденных в ожидании казни и переживания их родственниками, были признаны правозащитниками одной из форм пыток³⁴.

Еще одной сложностью в отношении обеспечения полного запрета на пытки является сам вопрос о правомерности и необходимости их применения, а также вопрос о правомерности и необходимости смертной казни [1], [4]. Как правило, пытки применяются по отношению к лицам, подозреваемых в совершении терроризма или в связи с ним [5]. После теракта в США 11 сентября 2001 г. с поддержкой почти в 95% голосов американских законодателей там был принят законопроект, позволяющий задерживать и на неопределенное время заключать под стражу, допрашивать и подвергать пыткам американцев без суда и следствия. Согласно закону, граждане страны могли быть задержаны представителями военных органов в случае подозрения их «связи с терроризмом» и сразу же заключены в тюрьму³⁵. Кроме того, одна из поправок в тексте закона одобряла пытки утоплением и другие, которые в настоящее время в США объявлены вне закона³⁶[11]. В 2015 г. американские сенаторы проголосовали за поправку, вводящую запрет на применение пыток в ходе допросов военными, сотрудниками разведки и правоохранительными органами США. Данная поправка также предоставила возможность доступа для Международного Комитета Красного Креста к заключенным,

которые находятся в американской юрисдикции³⁷.

В 2019 г. смертная казнь была приведена в исполнение в 20 странах, общее число подтвержденных приговоров по сравнению с предыдущим годом сократилось на 5% и достигло самого низкого показателя за 10 лет. В некоторых странах возрождаются дискуссии о снятии моратория со смертной казни или ее введении. В Южной Корее, например, в начале 2021 г. на пленарном заседании Национальной Ассамблеи власти приняли законопроект о пересмотре закона о наказании за жестокое обращение с детьми. Вместе с тем, в связи с растущим количеством подобного рода преступлений была введена смертная казнь за жестокое обращение с детьми³⁸.

На пути к полному искоренению пыток и любого другого вида жестокого обращения и наказания перед мировым сообществом стоит немало преград, которые можно преодолеть лишь с помощью выстраивания инклюзивного, многостороннего и доверительного диалога с правительствами, государственными органами и гражданским обществом всех стран-членов ООН. Действительное обеспечение полного искоренения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания – главный вызов и задача каждого государства и всего мирового сообщества. Эффективное решение этой проблемы является солидарной ответственностью всех государств-членов ООН, которые не только обязаны соблюдать подписанные договоренности, но и стимулировать поиски решения этой проблемы на национальном, региональном и даже местном уровнях каждой страны в отдельности.

Главным международным органом, который ведет борьбу с распространением пыток, является Комитет против пыток ООН, созданный 1 января 1987 г. В Комитет входят 10 независимых экспертов, которые

³⁴ Прочитав Достоевского, главный правозащитник ООН заявил, что смертная казнь представляет собой пытку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2017/03/1300861> (дата обращения: 18.10.2021)

³⁵ Senate approves indefinite detention and torture of Americans URL: <https://www.rt.com/usa/detention-legislation-torture-senate-891/> (дата обращения: 18.10.2021)

³⁶ National Defense Authorization Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.house.gov/bills-s/20171113/HRPT-115-HR2810.pdf> (дата обращения: 18.10.2021)

³⁷ US Senate approves ban on torture. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.smh.com.au/world/us-senate-approves-ban-on-torture-20080215-gds15f.html> (дата обращения: 29.10.2021)

³⁸ Child abuse can now lead to death penalty in South Korea. [Электронный ресурс]. <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210228000132> (дата обращения: 20.10.2021)

осуществляют надзор за исполнением государствами-членами ООН Конвенции против пыток³⁹. Все страны, входящие в ООН, обязаны на регулярной основе предоставлять Комитету доклады об осуществлении прав граждан на защиту от пыток. Помимо процедуры рассмотрения докладов, Комитет выполняет функции мониторинга [7]. Наряду с Комитетом существует Подкомитет по предупреждению пыток ООН. Он был учрежден вступившим в силу в 2006 г. Факультативным протоколом к Конвенции против пыток ООН и состоит из 25 экспертов. Эксперты Подкомитета имеют право посещать государства, которые подписали и ратифицировали Факультативный протокол⁴⁰ [10].

ООН всячески подчеркивает актуальность проблемы применения пыток в современном мире, напоминая о том, насколько насилие аморально, жестоко и бесчеловечно. В декабре 1997 г. ООН провозгласила 26 июня Международным днем жертв пыток. В 2021 г. по случаю Международного дня поддержки жертв пыток группа экспертов ООН по правам человека призвала к необходимости обеспечить, чтобы те, кто помогает жертвам пыток реабилитироваться, могли выполнять свою работу без последующих репрессий. Они обратили внимание, что, поскольку пытки фактически применяются с санкции государства, наиболее сложным становится компенсация лицам, пострадавшим от данного вида насилия, и проведение суда над теми, кто был инициатором данного насилия или применил его. В заявлении эксперты также отметили, что лица, пережившие пытки и пострадавшие от долгосрочных последствий, имеют право на справедливую и адекватную компенсацию, в том числе на максимально полную реабилитацию⁴¹. В 2012 г. эксперты обозначили важную проблему, заявив, что жертвы пыток подвергаются репрессиям за подачу жалоб или сотрудничество с ООН. Подкомитет ООН по предупреждению пыток и Специальный

докладчик по пыткам подчеркнул, что правительства должны следить за тем, чтобы медицинские и другие специалисты, занимающиеся лечением жертв пыток, а также организации гражданского общества и правозащитники, могли осуществлять важную работу по документированию пыток и поддержке реабилитации жертв без каких-либо ограничений, препятствий и возмездия.

В 2020 г. Генеральный секретарь ООН, А. Гутерриш выступил с призывом к действиям в области прав человека, обозначив защиту гражданского общества приоритетной задачей, и выпустил «Руководящую записку ООН: защита и развитие гражданского пространства»⁴². Так, ООН придаёт гражданскому обществу чрезвычайно важное значение в вопросе противодействия пыткам и защите от них. Именно сильное гражданское общество способно внести существенный вклад в борьбу с применением пыток.

Помимо ООН действуют и другие международные организации и ассоциации, которые проявляют инициативу в сфере предупреждения пыток. «Ассоциация по предотвращению пыток» (АПП), международная неправительственная организация, созданная в 1977 г. Жан-Жаком Готье под названием «Швейцарский комитет против пыток», предлагает юридические консультации и участвует в разработке правовых документов по предупреждению пыток, работает с национальными, региональными и международными партнерами над укреплением их потенциала по предупреждению пыток и публикует аналитику. АПП имеет консультативный статус в нескольких организациях, среди которых ЭКОСОС ООН, Организация американских государств, Совет Европы, Африканская комиссия по правам человека и народов и Международная организация франкофонии. Ассоциация внесла свой вклад в разработку Конвенцию ООН против пыток и Факультативного протокола к ней.

³⁸ Конвенции против пыток ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cat-cidtp/catcidtp_ph_c.pdf (дата обращения: 16.11.2021)

³⁹ Optional Protocol to the Convention against Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/OPCAT.aspx> (дата обращения: 24.11.2021)

⁴¹ Эксперт по правам человека: Правительство должно защищать тех, кто помогает жертвам пыток. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/zh/story/2021/06/1086762> (дата обращения: 24.11.2021)

⁴² United Nations Guidance Note: Protection and Promotion of Civic Space. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/CivicSpace/UN_Guidance_Note.pdf (дата обращения: 18.11.2021)

Международная неправительственная организация «Красный Крест» неоднократно высказывалась против применения пыток, считая их неприемлемыми с моральной точки зрения, так как они лишают человеческого достоинства пострадавших, делают бесчеловечными тех, кто их применяет. Противодействие применению пыток Международный Комитет Красного Креста считает важной задачей всего мирового сообщества. В 2013 г. организация обратилась к разработчикам компьютерных игр, посвященных военным конфликтам⁴³. По мнению экспертов данной организации, такие игры поощряют чрезмерное, иногда даже изощренное насилие. Самыми опасными моментами являются виртуальные военные преступления, вроде применения пыток или убийств, которые в жизни приводят к реальным наказаниям. В связи с этим в организации считают, что во избежание губительного воздействия на психику геймеров и непредсказуемых последствий в правила игр необходимо вписать положение Женевских конвенций о нормах ведения боевых действий. Международный Комитет Красного Креста предложил наказывать тех, кто нарушает военные правила в виртуальном мире. Также эксперты назвали требующими вмешательства такие культовые игры, как Medal of Honour и Call of Duty⁴⁴.

В 1989 г. под эгидой Европейской конвенции по предупреждению пыток Совета Европы был учрежден Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП). Цель данной конвенции состоит в усилении и расширении защиты лиц, лишенных свободы, от пыток и другого рода насилия с помощью создания несудебного механизма профилактического характера, основанного на посещениях и проверки эффективности работы практик против пыток государств. ЕКПП дополняет судебную работу ЕСПЧ в отношении статьи 3 ЕКПЧ, посвященной запрету пыток. Так, эксперты Комитета посещают места содержания лиц, лишенных свободы⁴⁵.

Международные органы по предупреждению пыток вносят важный вклад в работу по борьбе с жестокими видами обращения и наказания, занимаются мониторингом, аналитикой и консультированием, дополняя усилия стран обеспечить защиту от пыток каждого человека. Однако в первую очередь такая работа должна идти на государственном уровне. Запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания должен быть закреплен законодательно в каждой стране, а исполнительная власть призвана обеспечить имплементацию такого законодательства, сделав данную проблематику важной частью государственной информационной политики.

Страны-члены ООН продолжают призывать все государства настаивать на абсолютном и всеобщем запрете пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также создавать благоприятные условия для восстановления и реабилитации жертв пыток с соответствующим комплексным освещением данной проблематики мировыми и национальными информационно-коммуникационными ресурсами.

Заключение

169 из 193 стран-членов ООН ратифицировали Конвенцию ООН против пыток. Действующая редакция Статьи 21.2 Конституции РФ гласит: никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.⁴⁶ Однако перед международным сообществом еще определенное время будет стоять важная задача по продвижению запрета на применение пыток, по развитию международного многостороннего и двухстороннего сотрудничества в этой области. Проблема предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания никогда не потеряет своей актуальности, а развитие междуна-

⁴³ РБК: Красный крест предлагает наказывать геймеров за военные преступления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/29/09/2013/570410529a794761c0ce2369> (дата обращения: 01.12.2021)

⁴⁴ The Red Cross spoke out against torture in computer games. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/16181> (дата обращения: 05.12.2021)

⁴⁵ European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment Punishment. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/cpt> (дата обращения: 01.12.2021)

⁴⁶ Конституция РФ. Актуальная редакция по состоянию на 19.09.2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-2/st-21-krf> (дата обращения: 17.11.2021).

родного права и национального законодательства и, что наиболее важно, его полное обеспечение, должно стать одной из самых приоритетных целей для всех государств. Коммуникационное, медийное сопровождение этих задач призвано быть приоритетным направлением информационной политики современного государства и социально ответственных СМИ национального или глобального уровня. Любые дискуссии по вопросу эффективности или неэффективности, правомерности или критериев оправданности применения пыток заранее движутся по ложному пути, поскольку само применение пытки неприемлемо с моральной точки зрения и запрещено действующими нормами международного права. Пытки незаконны. Запрет на пытки является абсолютным и имеет силу всегда и при любых обстоятельствах. ООН считает в данной связи своими важными приоритетами не толь-

ко борьбу с применением пыток, призыв к введению полного запрета на пытки, укрепление гарантий прав граждан на защиту от них или прав на гуманитарную, экономическую и психологическую помощь в случае применения пыток по отношению к ним, но и в поощрении проведения на гражданском уровне соответствующих информационных мероприятий. Комитет ООН против пыток совместно с другими международными органами продолжает вести работу в области продвижения запрета пыток, защиты прав граждан и формирования инклюзивного, многостороннего и доверительного диалога между всеми государствами-членами ООН, а также его ведению на федеральном, региональном и местном уровне, затрагивая не только государственные органы, но и институты гражданского общества, в значительной степени и всю информационно-коммуникационную систему современного мира.

Литература:

1. Дикаев С.У. Допустимо ли применение пыток в целях обеспечения права безопасности? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014.
2. Ильинская О.И. Запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: стандарты европейского суда по правам человека // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013.
3. Международный терроризм и право: Современные зарубежные исследования: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. Правоведения / Отв. ред. Алферова Е.В. М., 2017. (Сер.: Правоведение).
4. Романовский Г.Б., Романовский В.Г. Пытки и борьба с терроризмом. Монография. М., 2021.
5. Смолькова И.В. Пытка как «способ получения» признательных показаний обвиняемого // Адвокатская практика. 2013.
6. Campagna, Norbert.; Delia, Luigi.; Garnot, Benoît. La torture, de quels droits: une pratique de pouvoir : XVIe-XXIe siècle Paris: Imago, 2014. URL: <https://pmt-eu.hosted.exlibrisgroup.com>.
7. Decisions of the Committee Against Torture under article 22 of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment // International Journal of Refugee Law. Volume 17, Issue 2, 2005, P. 416–426.
8. Nigel S. Rodley. The Definition(s) of Torture in international Law. URL: <https://www.corteidh.or.cr>.
9. Nowak, Manfred; Birk, Moritz; Monina, Giuliana. (14 November 2019). United Nations Convention against Torture and its Optional Protocol: A Commentary. Oxford University Press. 2019. URL: <https://books.google.ru>.
10. The United Nations Convention Against Torture and its Optional Protocol: A Commentary (Oxford Commentaries on international Law). 2nd Edition. Ed. by Manfred Nowak (Editor), Moritz Birk (Editor), Giuliana Monina (Editor) Oxford University Press; 2nd edition (December 31, 2019).
11. Torture in International Law. A guide to jurisprudence. Center for Justice and International Law (CEJIL) Washington D.C., U.S.A. URL: <https://www.corteidh.or.cr>.
12. Lorna McGregor, Transitional Justice and the Prevention of Torture // International Journal of Transitional Justice. Volume 7. Issue 1. March 2013. P. 29–51.

THE PERNICIOUSNESS OF DISCUSSIONS ON THE RECONSIDERATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE FIELD OF PROTECTION FROM TORTURE IN THE GLOBAL MEDIA SPACE

Introduction. The article reveals the inconsistency of the tendency in the international media space to question the universal principles of international law on the example of the discussion on the preservation of the provision of protection against torture and other cruel, inhuman or degrading treatment and punishment of people in the context of global terrorist threats. The activity of international governmental and non-governmental organizations in the fight against torture is analyzed. The main emphasis is placed on the peculiarities and law enforcement practice of international legal legislation in the area of prohibition of the use of torture. Problems related to the prevention and spread of torture are studied, the dynamics of the development of national legislation in some states regarding the legalization of torture is examined, an example of violation of the prohibition of torture is given, as well as the position of the European Court of Human Rights regarding the use of torture.

Materials and methods. The author of the article carries out a systematic analysis, comparative and formal legal methods of international legislation against torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. Scientific and general scientific methods of cognition of the specifics of international legal legislation in the field of prohibition of the use of torture and the death penalty as a capital punishment, - namely descriptive, - are applied in this article.

Results. For several decades, a system of international law has been created, which has given an interpretation of the concept of "torture", has introduced a complete ban on the use of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. The prohibition of torture is absolute. Torture is prohibited by international law, the laws of most countries in the world, the UN Convention against Torture, the Geneva Conventions and other international documents. This prohibition is absolute and does not allow any exceptions, which, however, is not always the case, giving rise to national and world media outlets to intensify discussions on the admissibility of revising these norms of international law in the interests of countering terrorist threats.

Discussion and Conclusion. Despite the development of legislation in the field of combating torture, there are a number of problems of compliance with this norm of international law. Among them: the problem of defining the concept of "cruel, inhuman or degrading treatment or punishment", the problem of violation of international legal acts in this area, the ethical factor in the use of torture and others. An important problem is the issue of classifying the death penalty as the highest measure of torture and punishment, discussions about which will continue for a long time. In this situation, the important priority areas of the UN and other international organizations are the fight against the use of torture, the call for the introduction of a complete ban on torture, the strengthening of guarantees of the rights of citizens to be protected from them or the right to humanitarian, economic and psychological assistance in the event of torture in relation to him, encouraging the conduct of awareness-raising activities at the civil level, explaining their unconditional legislative prohibition, immorality and inhumanity. An important task for all states is to continue work to achieve a universal and complete prohibition of torture, protect the rights of citizens and build an inclusive, multilateral and trusting dialogue between all states, members of international organizations, as well as its provision at the federal, regional and local levels with the use of information and communication media policy tools and with the participation of the entire civil society.

Dr. Petr V. Menshikov,
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of Media
Policy and Public Relations, Moscow State
Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Laurita K. Mikhina,
undergraduate student of the Department of
MPandPR "New Media and Strategic
Communications", MGIMO, Ministry of Foreign
Affairs of Russia

Ключевые слова:

ООН, международное право, медийная политика, пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, смертная казнь как высшая мера пытки, гражданское общество.

Keywords:

UN, international law, media policy, torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, the death penalty as the highest measure of torture, civil society.

References:

1. Dikayev S.U., 2014. Dopustimo li primenenie pytok v celjah obespechenija prava bezopasnosti? [Is it permissible to use torture in order to ensure security law?]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow].
2. Il'inskaja O.I., 2013. Zapret pytok i beschelovechnogo ili unizhajushhego dostoinstvo obrashhenija ili nakazaniya: standarty evropejskogo suda po pravam cheloveka [Prohibition of torture and inhuman or degrading treatment or punishment: standards of the European Court of Human Rights]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie* [Criminal Executive System: Law, Economics, Management].
3. Alferova E.V., 2017. Mezhdunarodnyj terrorism i pravo: Sovremennye zarubezhnye issledovanija: *Sb. obzorov i referatov / RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. pravovedeniya; Otv. red., (Ser.: Pravovedenie)*. [International terrorism and law: Modern foreign research: Sat. reviews and abstracts / RAS. INION. Center for social. scientific-inform. issled. Dept. jurisprudence; Resp. ed. (Ser.: Jurisprudence)].
4. Romanovskij G.B., Romanovskij V.G., 2021. Pytki i bor'ba s terrorizmom [Torture and the fight against terrorism]. Moscow.
5. Smol'kova I.V., 2013. Pytka kak «sposob poluchenija» priznatel'nyh pokazanij obvinjaemogo [Torture as a "method of obtaining" a confession from the accused]. *Advokatskaja praktika* [Advocate practice].
6. Campagna, Norbert.; Delia, Luigi.; Garnot, Benoît, 2014. La torture, de quels droits: une pratique de pouvoir: XVIe-XXIe siècle [Torture, of what rights: a practice of power: XVI-XXI century]. Paris: Imago. URL: <https://pmt-eu.hosted.exlibrisgroup.com>.
7. Decisions of the Committee Against Torture under article 22 of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. *International Journal of Refugee Law*. Volume 17, Issue 2, 2005, P. 416–426.
8. Nigel S. Rodley. The Definition(s) of Torture in international Law. URL: <https://www.corteidh.or.cr>.
9. Nowak, Manfred; Birk, Moritz; Monina, Giuliana (14 November 2019). United Nations Convention against Torture and its Optional Protocol: A Commentary. Oxford University Press. 2019. URL: <https://books.google.ru>.
10. The United Nations Convention Against Torture and its Optional Protocol: A Commentary (Oxford Commentaries on international Law). 2nd Edition. Ed. by Manfred Nowak (Editor), Moritz Birk (Editor), Giuliana Monina (Editor). Oxford University Press, 2nd edition (December 31, 2019).
11. Torture in International Law. A guide to jurisprudence. Center for Justice and International Law (CEJIL) Washington D.C., U.S.A. URL: <https://www.corteidh.or.cr>.
12. Lorna McGregor, Transitional Justice and the Prevention of Torture. *International Journal of Transitional Justice*. Volume 7. Issue 1. March 2013. P. 29–51.

РИСК НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ УЧАСТНИКАМИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СДЕЛОК: ПРЕВЕНТИВНЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ

Денис Матыцин*

DOI 10.24833/2073-8420-2021-4-61-33-50

Введение. Статья посвящена исследованию правовых механизмов защиты прав участников дистанционно-цифровой сделки, совершаемой частным инвестором (физическим лицом) и юридическим лицом (инвестиционным посредником, получателем инвестиций) с тем или иным объектом инвестирования и относящейся к реальным договорам. Нарушения прав участников сделки чаще всего связаны с этапом окончания такой сделки и являются следствием несвоевременного и/или не в полном объеме возврата вложенных денег, неисполнением контрагентом-должником обязательств сразу по получении от инвестора денег – по передаче самого объекта инвестирования. Невыплаты обещанного дохода закономерно порождают конфликт. Между тем существующие в настоящее время инструменты финансового обеспечения предпринимательских проектов объективно не способны целиком соответствовать текущим потребностям хозяйствующих субъектов, а новые объекты инвестирования еще мало изучены с точки зрения правовой науки, требуют определения их юридической характеристики и установления правовой природы.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования составил материалистический позитивизм в сочетании с применением общенаучных методов познания. В том числе: диалектический метод, формально-логический, анализ, синтез, дедукция и индукция, методы гипотезы, аналогии и др. В работе применены частнонаучные методы, такие как: историко-ретроспективный метод, функциональный, статистический. Также применены специальные методы познания юридической науки: сравнительно-правовой, метод системного исследования, формально-юридический, и др. В работе использован также метод правового моделирования, позволивший сформировать структуру и функциональные элементы гражданско-правовой модели превенции неисполнения обязательств участниками дистанционно-цифровых инвестиционных сделок в информационном пространстве, защиты их прав и законных интересов.

Нормативно-правовую базу работы составили положения действующих законодательных актов. Среди которых: ФЗ РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»; ФЗ РФ от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страхова-

* **Матыцин Денис Евгеньевич**, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института права Волгоградского государственного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса Волжского филиала Международного юридического института
e-mail: Dmatytsin@ya.ru; gimchp@volsu.ru
ORCID ID: 0000-0002-4038-4032

нии вкладов в банках Российской Федерации»; ФЗ от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»; ФЗ РФ от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной и арбитражной практики (например, Ряжского районного суда Рязанской области; Арбитражного суда г. Москвы; Девятого арбитражного апелляционного суда Арбитражного суда г. Москвы; Заводоуковского районного суда Тюменской области; Тюменского областного суда и др.), а также статистические данные, опубликованные на официальных сайтах хозяйствующих субъектов (например, ПАО Мосбиржи, американской консалтинговой фирмы «Satis Group» LLC и др.).

Теоретическую основу составили труды отечественных (А.И. Гончарова, А.О. Иниаковой, Л.А. Новоселовой, А.И. Савельева, Е.Е. Фроловой, Ю.С. Харитоновой и др.) и зарубежных ученых (V. Akella, Bin Ke, Y.K. Dwivedi, Donghui Wu, L. Hughes, S.K. Misra, N.P. Rana, V. Raghavan, Jun Chen, Zhifeng Yang и др.) в соответствующей области исследования.

Результаты исследования. В результате исследования установлено, что современные дистанционно-цифровые технологии приобрели популярность и уже оправдывают ожидания в информационном пространстве. Между тем, на рынке токенов оказалось огромное количество так называемых «скамов» – мошеннических проектов, цель которых – сбор средств путем обмана, в действительности такие организаторы инвестиций только создали видимость реализации проекта без намерений претворять его в жизнь. Обнаружено также, что многие авторы, как российские, так и зарубежные, в современный период уделяют внимание таким современным информационным технологиям как технология распределенного реестра (blockchain) и технология смарт-контракта. Однако в научных разработках коллег отсутствуют рекомендации по конкретному построению гражданско-правовой модели взаимодействия участников дистанционно-цифровых сделок в информационном пространстве на основе сочетания технологий распределенного реестра (blockchain) и смарт-контракта.

Обсуждение и заключение. Предлагается на основе современных информационных технологий так организовать и регламентировать оборот инвестиционных объектов в информационном пространстве, чтобы отпала сама необходимость защиты прав в виду невозможности их нарушения. Для превенции нарушений и одновременно защиты прав рекомендуется применять в сочетании технологию распределенного реестра (blockchain) и технологию смарт-контракта. Выделяются принципиально значимые модельные элементы такой системы способов превенции нарушений и защиты прав участников дистанционно-цифровых инвестиционных сделок. Ключевой особенностью, предлагаемой Универсальной цифровой платформы Мосбиржи для частных инвесторов, является её универсальность. Предлагается объединить в одной такой платформе и финансовую платформу для финансовых сделок, и инвестиционную платформу для оборота утилитарных цифровых прав, и информационную систему для оборота цифровых финансовых активов, цифровых валют. В качестве типовых договорных конструкций рекомендуется разработать стандартные смарт-контракты для каждого объекта инвестирования: 1) бездокументарные ценные бумаги; 2) цифровое право; 3) утилитарное цифровое право; 4) цифровой финансовый актив; 5) цифровая валюта; 6) фьючерсный контракт. Данную задачу рекомендуется решать Банку России путем государственных закупок. Каждый такой типовой смарт-контракт, представляя собой компьютерную программу, должен предусматривать возможность его сопряжения с программно-аппаратным комплексом Мосбиржи.

Обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в ФЗ от 23.12.2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федера-

ции». Во взаимосвязи с предложением о типовых смарт-контрактах предлагается формировать их программные алгоритмы с четким построением правовых конструкций, соответствующих договорам репо и эскроу. Предложены новое нотариальное действие в процессе регистрации дистанционно-цифровых инвестиционных сделок и новая правовая конструкция передачи вещи в заложенный депозит нотариуса.

Доказано, что полисубъектный юрисдикционный блокчейн в дистанционно-цифровых сделках на Универсальной цифровой платформе для частных инвесторов должен быть реализован по 6-ти узловой схеме взаимодействия субъектов, действующих на территории и под юрисдикцией Российской Федерации. Выделяются факторы риска осуществления дистанционной blockchain регистрации сделок с особыми объектами инвестирования. Среди таких факторов аргументируются: технические факторы; экономические факторы; институциональные факторы.

Сделан вывод о том, что гражданско-правовая модель превенции неисполнения обязательств участниками инвестиционных сделок и защиты их прав в системной взаимосвязи интегрирует ряд специальных элементов. Во-первых, государственно-частное партнёрство; во-вторых, применение экспериментального правового режима в сфере дистанционно-цифровых инвестиционных сделок; в-третьих, набор стандартных смарт-контрактов – дифференцированных по типам объектов инвестирования; в-четвертых, инновационные правовые конструкции для дистанционно-цифровых инвестиционных сделок; в-пятых, полисубъектный юрисдикционный блокчейн, реализуемый по 6-ти узловой схеме взаимодействия субъектов, действующих на территории и под юрисдикцией Российской Федерации; в-шестых, методологический комплекс превенции потенциальных конфликтов между участниками дистанционно-цифровых инвестиционных сделок, системный набор способов защиты их прав.

Введение

Дистанционно-цифровая сделка, совершаемая частным инвестором (физическим лицом) и юридическим лицом (инвестиционным посредником, получателем инвестиций) с тем или иным объектом инвестирования, несомненно, относится к реальным договорам. Следовательно, нарушения прав участников сделки, которые могут привести к обращению потерпевшей стороны в Суд, в большинстве своем связаны с этапом окончания такой сделки, когда подошел срок возврата денег частному инвестору от получателя инвестиций.

Исследование

Своевременный и в полном объеме возврат вложенных денег, невыплата обещанного дохода закономерно порождают конфликт. Возможно также неисполнение контрагентом-должником обязательств сразу по получении от инвестора денег – по передаче самого объекта инвестирования. Неуплата долга возможна по разным причинам,

при этом в действующем законодательстве предусмотрены все необходимые процедуры для завершения правоотношения сторон, даже в указанных конфликтных ситуациях.

В одном из подобных судебных конфликтов 26.04.2017 (Рязанская область, Александрово-Невский район, р.п. Александрово-Невский) в судебном заседании истец Бушаев М.Н. поддержал свои требования по изложенным в исковом заявлении основаниям. Пояснив, что услуга по обмену криптовалюты на российские рубли ответчиком – ИП Бояркиным Р.В. была оказана с недостатками. Недостатки были устранены ответчиком с существенной задержкой, в связи с чем с ответчика подлежит взысканию неустойка за нарушение сроков устранения недостатков. Также с ответчика надлежит взыскать все понесенные истцом судебные расходы, поскольку добровольное исполнение части требований не освобождает ответчика от обязанности по их возмещению. Пункт 5.2 Соглашения о предоставлении услуг, размещенного на сервере EasyBit.pro, противоречит Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», поскольку

ущемляет права потребителей. Истец просил удовлетворить уточнённые требования в полном объёме. Однако в итоге суд указал, что, поскольку практически в Российской Федерации отсутствует какая-либо правовая база для регулирования платежей, осуществляемых в «виртуальной валюте», в частности, Биткойн, а также отсутствует какое-либо правовое регулирование торговых интернет-площадок, биткойн-бирж, все операции с перечислением биткойнов производятся их владельцами на свой страх и риск. Истец Бушаев М.Н., согласившись с условиями предоставления услуг обмена электронных валют, принял на себя риск несения любой финансовой потери и/или ущерба (убытка), которые могли быть причинены ему в результате задержки или невозможности осуществления электронных переводов. При таких обстоятельствах доводы истца о нарушении ответчиком его прав суд считает несостоятельными. Нахождение криптовалют вне правового поля не предоставляет возможности реализации истцом Бушаевым М.Н. правовых механизмов возложения на ответчика ответственности в виде уплаты неустойки, возмещения морального вреда и штрафа, предусмотренных Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹.

Также, например, индивидуальный предприниматель Ломакина Е.А. обратилась с иском к ООО "МАККОЙ" о взыскании 8295454 руб. 30 коп. предоплаты по договору купли-продажи токенов от 27.12.2017 № 01-ДКПЮ. Однако суд 04.04.2018 установил, что истцом не соблюден досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, что доказательств направления претензии по юридическому адресу не представлено и определил иск оставить без рассмотрения². Не согласившись с определением суда, истица подала апелляционную жалобу, в которой просила отменить определение в связи с тем, что доказательства соблюдения претензионного порядка были истицей представлены. Девятый арбитражный апелляцион-

ный суд 27.06.2018, исследовав и оценив имеющиеся в материалах дела доказательства, посчитал, что определение подлежит отмене. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ Арбитражный суд оставляет заявление без рассмотрения, если истцом не соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком. Суд первой инстанции посчитал, что истцом не соблюден досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, поскольку представленные в материалы дела претензии направлены ответчику по адресам, не совпадающим со сведениями ЕГРЮЛ, не по юридическому адресу ответчика. Между тем в деле имеется гарантийное письмо ответчика от 14.02.2018, датированное после направления ответчику претензий, из содержания которого следует, что ответчику известны претензии истца, и он подтверждает выполнение обязательств по договорам купли-продажи токенов в установленные сроки. Руководствуясь ст.ст. 266, 268, 270, 272 АПК РФ, Девятый арбитражный апелляционный суд определение Арбитражного суда г. Москвы от 04.04.2018 по делу № А40-32670/18 отменил, направил вопрос на новое рассмотрение в Арбитражный суд г. Москвы³.

Затем 21.09.2018 Арбитражный суд г. Москвы установил, что требования основаны на том, что истцом ответчику внесена предоплата по договору купли-продажи от 27.12.2017 № 01-ДКПЮ за Токены Universa в количестве 22727272, однако продавец не выполнил своих обязательств по зачислению Токенов на логин личного аккаунта покупателя, требование о возврате денег проигнорировал. В судебном заседании истица требования поддержала. Извещенный ответчик не явился, заявил возражения против рассмотрения дела в его отсутствие. Возражения судом отклонены с учетом того, что дело рассматривается после отмены определения об оставлении иска без рассмотрения по мотиву ненаправления ответчику претензии, ответчиком требования, суть кото-

¹ Решение Рязского районного суда Рязанской области от 26.04.2017 по делу № 2-160/2017 (М-129/2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l/>

² <https://msk.arbitr.ru/>. Арбитражный суд города Москвы. Официальный сайт. Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-32670/18-1-148 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d560986b-796c-484f-877a-f6dd3579fb16/b0c171ef-64f3-4be2-b05c-3b677_ef85025/A40-32670-2018_20180404_Opreделение.pdf?isAddStamp=True.

³ <https://msk.arbitr.ru/>. Арбитражный суд города Москвы. Официальный сайт. Постановление № 09АП-27022/2018 Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-32670/18 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d560986b-796c-484f-877a-f6dd3579fb16/281ecb8c-eaf2-41d6-a19d-2370514aedd8/A40-32670-2018_20180627_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

рых давно известна, по существу не оспорены. Дело рассмотрено в порядке ч. 4 ст. 137, ст. 156 АПК РФ. Судом также установлено, что обстоятельство уплаты денег подтверждается платежным поручением от 28.12.17 № 147 и факт их получения ответчиком не оспорен. Основания удержания предоплаты ответчиком не названы и не доказаны, доказательств исполнения обязательств не представлено. Следовательно, спорная сумма подлежит взысканию в пользу истца на основании ст.ст. 309, 310, 487, 1102 ГК РФ. В итоге суд решил взыскать с ООО "МАККОЙ" в пользу индивидуального предпринимателя Ломакиной Е.А. 8295454 руб. долга и 64477 руб. расходов по уплате госпошлины⁴.

Существующие в настоящее время инструменты финансового обеспечения предпринимательских проектов объективно не способны целиком соответствовать текущим потребностям хозяйствующих субъектов. Современные дистанционно-цифровые технологии приобрели популярность и уже оправдывают ожидания, в информационном пространстве уже прошел бум ICO, широко распространилось ИЕО. По различным оценкам экспертов, в течение 2017 г. всего было вложено \$ 4 млрд. в проекты, сбор средств на которые проходил по процедуре продажи токенов – ICO. Уже к 2019 г., по оценкам аналитиков в процессе ICO было привлечено \$ 64,5 млрд., однако 89% проектов оказалось убыточными, и доходность их токенов стремительно падает. Новые объекты инвестирования еще мало изучены с точки зрения правовой науки и, безусловно, требуют определения их юридической характеристики и установления правовой природы, поскольку по функциям и целям они имеют сходство с оборотом бездокументарных ценных бумаг, размещаемых по привычной процедуре IPO, которая под влиянием технологий претерпевает соответствующие изменения. В рамках ICO инвестор приобретает за деньги крипто объекты – зашифрованные записи, подтверждающие внесенную им сумму, например, за токены, которые обеспечены только обещанием организатора инвестиций в будущем поделиться частью прибыли от успешного

проекта. Согласимся с коллегами, что процедура ICO во многом напоминает обращение бездокументарных ценных бумаг [8, Р. 360]. В 2020 г. широко стартовала новая финтех индустрия – децентрализованные финансы (DeFi). Популярной децентрализованной веб-площадкой считается Uniswap. Чтобы инвестировать на ней и других подобных биржах, пользователю не требуется аккаунт и не требуется оставлять на нем денежные средства. Они хранятся в личном электронном кошельке. Uniswap только связывает трейдеров, сделка происходит напрямую между их кошельками [18].

К сожалению, на рынке токенов оказалось огромное количество так называемых «скамов» – мошеннических проектов, цель которых – сбор средств путем обмана, в действительности такие организаторы инвестиций только создали видимость реализации проекта без намерений претворять его в жизнь [1, Р. 96]. По оценке американских исследователей консалтинговой фирмы «Satis Group» LLC, 80% всех ICO оказалось скамом. Кроме того, на лидирующей платформе Ethereum кибер преступникам удалось украсть 10% от средств, инвестируемых в ICO. Однако спрос и привлекательность ICO с 2017 г. продолжают расти, несмотря на практическое отсутствие правовой защиты, пример успешных проектов перекрывает риск.

Судьям судов общей юрисдикции приходилось также разрешать споры по поводу отдельных крипто объектов, давая правовую оценку данной высокорисковой деятельности, направленной на получение прибыли⁵. Судебная коллегия Суда субъекта Федерации в одном из случаев отменила решение суда первой инстанции указала следующее: «...Имеющиеся в материалах дела доказательства позволяют сделать вывод о том, что истцы перечислили ответчику денежные средства не без оснований, а в связи с добровольным участием в интернет-проекте Totem Capital с целью получения прибыли... Денежные вклады в обмен на виртуальную валюту (крипто валюту) истцы произвели добровольно, гарантий, обещаний и обязательств по возврату денежных средств ответчик не давал... Истцы перечисляли денеж-

⁴ <https://msk.arbitr.ru/>. Арбитражный суд города Москвы. Официальный сайт. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-32670/18-1-148 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d560986b-796c-484f-877a-f6dd3579fb16/d7a24551-eecc4-418d-9352-283c491bca4f/A40-32670-2018_20180921_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

⁵ См. например: Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 13.04.2018 по делу № 1444/2018; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 по делу № 33-3142/2018.

ные средства на счет ответчика, достоверно зная об отсутствии у ответчика перед ними каких-либо обязательств по возврату денежных средств, зная о том, что денежные средства они предоставили добровольно с целью получения прибыли в связи с участием в интернет-проекте Totem Capital, при этом действовали на свой страх и риск... Истцы, согласившись с условиями предоставления интернет-сайтом Totem Capital услуг обмена электронных валют, приняли на себя риск несения любой финансовой потери или ущерба... Кроме того, нахождение крипто-валюты вне правового поля не предоставляет возможности реализации истцами правовых механизмов возложения на ответчика, которым был осуществлено перечисление денежных средств истцам лицам, контролирующим функционирование интернет-проекта Totem Capital, ответственности в виде уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами»⁶.

Также одной из проблем защиты прав участников данных инвестиционных отношений стало доказывание получения инвестором (кредитором) крипто объектов, поскольку электронные крипто кошельки, как правило, анонимны либо его владелец действует под псевдонимом. Поэтому идентифицировать субъекта не представляется возможным. В одном из разрешаемых конфликтов Суд счел недоказанной продажу одним гражданином другому крипто валюты «Биткоин», хотя в процессе были представлены заверенные нотариусом страницы с сайта "LocalBitcoins.net": <https://localbitcoins.net/ru/> с учетной записью "zagitov". Что якобы подтверждает, что 01.07.2017 "zagitov" продал за 99 800 рублей, а "bOlnesa" получил 0,62467530 BTC - контакт# 12355296. Суд первой инстанции не признал, что имела место купля-продажа крипто объекта, а посчитал, что субъект "zagitov" неосновательно обогатился, получив указанную сумму. Судебная коллегия посчитала, бездоказательными утверждения о наличии договорных отношений, вытекающих из заключенной в соответ-

ствии с требованиями закона сделки, условия которой предусматривают обязанность по передаче денежных средств в размере 99 800 рублей, в том числе факт заключения между сделки на всемирной бирже частного обмена крипто валютами localbitcoins.net. «Представленная переписка с указанного сайта сама по себе не подтверждает ни достижение между сторонами соглашения по всем существенным условиям договора, ни определение предмета сделки в виде правового существа соответствующего обязательства сторон, более того, не позволяет идентифицировать стороны сделки продажи единиц валюты «Биткоин», поскольку пользователь с учетной записью "bOlnesa" индивидуально не определен»⁷.

В Арбитражных судах постепенно сложилась практика восприятия крипто объектов как иного имущества в свете незакрытого перечня объектов гражданских прав, предусмотренного в ст. 128 ГК РФ. Например, Арбитражный суд Вологодской области, рассмотрев заявление финансового управляющего об истребовании документации у должника (заявившего о банкротстве), обязал должника – Лапенко Т.И. передать финансовому управляющему документацию, в том числе «справки об остатках электронных денежных средств и о переводах электронных денежных средств за 3-х летний период, предшествующий дате подачи заявления о признании гражданина банкротом. К электронным денежным средствам относятся, например: PayPal, Яндекс.деньги, Webmoney, QIWI, а также различные криптовалюты: Bitcoin, Litecoin. Для получения таких справок следует обратиться в службу поддержки соответствующего электронного сервиса»⁸.

Юридически профессионально правовая природа крипто объекта «цифровая валюта» была исследована московскими арбитражными судьями в 2018 г. Так, 15.05.2018 Девятый арбитражный апелляционный суд, рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу финансового управляющего Леонова А.И.

⁶ См. там же: Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 13.04.2018 по делу № 1444/2018; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 по делу № 33-3142/2018.

⁷ См. например: Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 11.10.2017 по делу № 2-776/2017 (М-723/2017). Решение было обжаловано в Тюменском областном суде, который Апелляционным определением от 24.01.2018 оставил жалобу без удовлетворения (дело № 33-245/2018).

⁸ <https://vologda.arbitr.ru/>. Арбитражный суд Вологодской области. Определение от 28.07.2016 по делу № А13-3814/2016. [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d9a9965d-553f-492a-8fcf-9444861b595f/2cd6278b-d993-4eb6-b818-8f81bca7ebfc/A13-3814-2016_20160728_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

на определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 по делу № А40-124668/17, об отказе в удовлетворении заявления финансового управляющего должника о разрешении разногласий между финансовым управляющим и гражданином-должником в деле о банкротстве Царькова И.И. установил следующее. Определением Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 финансовому управляющему отказано в удовлетворении требования относительно включения содержимого крипто кошелька, находящегося в сети «Интернет» по адресу www/blockchain.info с идентификатором xxxxxxxx-f852-4625-bbe6-xxxxxxxxxxxx в конкурсную массу гражданина - должника Царькова И.И., отказано в обязанности Царькова И.И. передать финансовому управляющему доступ к крипто кошельку (передать пароль). Отказывая финансовому управляющему в удовлетворении требований, суд первой инстанции исходил из того, что крипто валюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с крипто валютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства. Отсутствие в системе крипто валюты контролирующего центра и анонимность пользователей крипто валют, по мнению суда, не позволяет с определенностью установить принадлежность крипто валюты в крипто кошельке конкретному лицу⁹.

Однако Девятый арбитражный апелляционный суд указал, что в силу диспозитивности норм гражданского права в ГК РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав. Поскольку гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутое в статье 128 ГК РФ, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. Доводы суда о невозможности применения к крипто валютам по аналогии норм, регулирующих сходные

отношения, противоречат положениям ст. 6 ГК РФ, согласно которым при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. По мнению суда апелляционной инстанции, крипто валюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество. В итоге было постановлено Определением Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 по делу № А40-124668/17 отменить. А также обязать Царькова И.И. передать финансовому управляющему доступ к крипто-кошельку (передать пароль) для пополнения конкурсной массы¹⁰.

Совсем наоборот разрешили дело в Арбитражном суде Саратовской области. Двенадцатый арбитражный апелляционный суд, рассмотрев апелляционную жалобу кредитора Сусликова А.Н. по поводу незаконного бездействия финансового управляющего в рамках дела А57-21957/2017, возбужденного по заявлению Иванова И.Н. (признанного банкротом) в своем Постановлении указал, что к объектам гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), нематериальные блага. Исходя из прямого толкования норм права «крипто валюта» не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с крипто валютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства. Однако, даже если допустить ее объектом гражданских прав, отсутствие в системе

⁹ <https://msk.arbitr.ru/>. Арбитражный суд города Москвы. Официальный сайт. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017. [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

¹⁰ <https://msk.arbitr.ru/>. Арбитражный суд города Москвы. Официальный сайт. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017. [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

крипто валюты контролирующего центра, анонимность пользователей крипто валют не позволяет с определенностью установить принадлежность крипто валюты в крипто кошельке, находящемся в сети Интернет, по конкретному лицу¹¹. В то же время, например, Суд Европейского Союза определил, что к операциям по обороту крипто валюты не должен применяться НДС, крипто валюта рассматривается в ЕС как денежные средства [3]. Примечательно, что в налоговое законодательство ЮАР, входящей в международную интеграцию БРИКС, внесены изменения об обязанности налогоплательщиков указывать в декларации все доходы, в том числе полученные от владения, пользования и распоряжения цифровыми объектами. Однако гражданское законодательство ЮАР пока еще не содержит терминов «цифровые права», «токен», «крипто валюта», из чего следует, что в гражданско-правовом смысле крипто валюта и иные цифровые объекты не являются денежными средствами или объектами права в ЮАР [11].

Вопрос о сущности крипто валюты остается открытым, в юридической научной среде возникает немало дискуссий. Так, профессор Л.А. Новоселова предлагает относить крипто валюту, а именно биткоин, к безналичным денежным средствам, поскольку – это право требования к банку по счетам до востребования, используемые для осуществления платежей [17, С. 3-15]. Из этого следует вывод о том, что цифровые валюты представляют собой вид обязательственных прав в форме программных кодов, зафиксированных в распределенном реестре. Профессор Л.А. Лунц отмечал, что назначением законной платежной единицы является исполнение денежных обязательств, отказ кредитора от принятия такого исполнения будет считаться неправомерным [16]. Исходя из чего, цифровые валюты невозможно признать самостоятельным средством платежа. Справедливым является замечание ученых о том, что только лишь подключение к платформе, на которой осуществляется распро-

странение цифровой валюты, не порождает обязательственных правоотношений, участник может приобрести крипто валюту, но не вступать с другими лицами в отношения, тогда функция платежа не осуществляется [24]. А.В. Савельев на основании анализа п.4 ст. 421 и п. 1 ст. 423 ГК РФ о самостоятельном выборе сторонами встречного обязательства приходит к выводу, что крипто валюта не может быть признана денежным суррогатом по причине ее использования в конкретных гражданско-правовых договорах. С точки зрения экономических отношений, ученый отмечает расчетные функции крипто валюты, однако, с позиции действующего законодательства денежное средство должно быть обеспечено публичной властью [21. С. 94-117].

В соответствии с частью 5 статьи 17 Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» в случае выявления Банком России нарушения ... прав и законных интересов участников финансовой платформы или в случае наличия угрозы правам и законным интересам участников финансовой платформы Банк России в установленном им порядке вправе ограничить проведение оператором финансовой платформы отдельных операций¹². Аналогично Банк России вправе прекратить деятельность инвестиционной платформы путем исключения этой организации из Реестра инвестиционных платформ¹³.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулирует отношения, возникающие при обороте цифровой валюты. Законодателем легитимирована цифровая валюта как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, с функционалом негосударственного средства платежа и (или) инвестиций. В отношении этих электронных данных отсутствует лицо, обязанное перед

¹¹ <https://12aas.arbitr.ru/>. Двенадцатый арбитражный апелляционный суд. Официальный сайт. Постановление от 31.07.2018 по делу № А57-21957/ 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/56bb884b-247d-4562-b7e7-962c1de6f8aa/1e82026f-e9a3-4a05-836e-c33bb70df797/A57-21957-2017_20180731_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

¹² Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Российская газета от 24 июля 2020 г. № 162.

¹³ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 7 августа 2019 г. № 172.

каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам¹⁴. Кроме того, Законодатель в части 6 статьи 14 этого Федерального закона установил, что требования юридических и физических лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите условно. А именно: только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Как видим, исследуемые нами дистанционные сделки в информационном пространстве с бездокументарными ценными бумагами, цифровыми правами, утилитарными цифровыми правами, цифровыми финансовыми активами, цифровой валютой в части защиты прав их участников наконец-то полностью урегулированы Законодателем. При этом в отношении противоречивости позиций судебных правоприменителей мы полностью поддерживаем позицию профессора Л.В. Санниковой, профессора Ю.С. Харитоновой, что вне зависимости от целей правоприменения понятие имущества как символа некоей экономической ценности не должно сужаться. Требуется во всех случаях обеспечить возможность защиты имущества, гарантируемой ст. 35, 45 и 46 Конституции РФ, включая и те цифровые объекты, которые не легализованы, но оборот которых допускается в силу общего правила ст. 129 ГК РФ. Также заслуживает поддержки положение упомянутых профессоров о том, что, признавая необходимость существования универсального механизма защиты любой имущественной ценности, следует рассматривать в качестве такового деликтное обязательство. Принцип генерального деликта позволяет возместить собственнику имущества любой понесенный им ущерб, т.к. само по себе причинение без законных оснований ущерба является основанием для его возмещения [22, С. 167].

По нашему мнению, в целом, сложности и противоречия судебного правоприменения, которые были обусловлены отсутствием легитимности некоторых объектов инвестирования, а также отсутствием юридического механизма фиксации принадлежности конкретному субъекту того или иного объекта инвестирования в текущий период уже позади. В 2022 году в отечественном законодательстве для защиты прав и законных интересов инвесторов и иных участников инвестиционных отношений в информационном пространстве вполне достаточно действующих и материально- и процессуально-правовых конструкций. Однако, полагаем, что конфликты, тем более, перетекающие в суды, вредны для развития инвестиционных отношений в информационном пространстве, поскольку тормозят оборот инвестиционных объектов, замедляют скорость развития экономики в целом. Кроме того, в эти отношения вовлекаются все более широкие массы населения, по нашим оценкам, только на Мосбирже частными инвесторами к началу 2022 г. открыто уже более 15 млн. брокерских счетов. В этой связи конфликты участников инвестиционных отношений чреватые возрастанием социальной напряженности.

По нашему мнению, необходимо и возможно на основе современных информационных технологий так организовать и регламентировать оборот инвестиционных объектов в информационном пространстве, чтобы отпала сама необходимость защиты прав в виду невозможности их нарушения. Интеграционное сочетание превентивно-профилактических подходов к проблеме неисполнения обязательств участниками дистанционно-цифровых инвестиционных сделок и одновременно подходов к проблеме защиты прав этих участников представляется обязательным для данной сложнорисковой предпринимательской деятельности, осуществляемой в инвестиционном сегменте Интернета. Мы считаем, что чем больше усилий будет сконцентрировано на превентивных мерах, тем меньше в итоге образуется взаимных конфликтов, в том числе разрешаемых в суде. Полагаем, в качестве современных информационных технологий для превенции нарушений и одновременно защиты прав должны применяться в соче-

¹⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 6 августа 2020 г. № 173.

тании технология распределенного реестра (blockchain) и технология смарт-контракта. Многие авторы, в том числе зарубежные, в современный период уделяют внимание указанным технологиям [6, Р. 461-466; 10, Р. 226-234; 9, Р. 114-119; 7, Р. 302-309; 2, Р. 225-241]. Российские авторы тоже активно занимаются указанной проблематикой [20, С. 143; 19, С. 37-40; 23, С. 30-74; 14, С. 211-219; 13, С. 34-37; 15, С. 73-82]. Однако в научных разработках коллег мы не находим рекомендаций по конкретному построению гражданско-правовой модели взаимодействия участников дистанционно-цифровых сделок в информационном пространстве на основе сочетания технологий распределенного реестра (blockchain) и смарт-контракта. Несомненно, подробная характеристика указанной модели является предметом отдельного научного исследования, вместе с тем, принципиально значимые модельные элементы системы способов превенции нарушений и защиты прав участников дистанционно-цифровых инвестиционных сделок мы рассмотрим в настоящем исследовании.

Первое. Минэкономразвития как публичный партнёр в рамках соглашения о государственно-частном партнёрстве договаривается с частным партнёром – ПАО «Мосбиржа» – о создании на Мосбирже Универсальной цифровой платформы для частных инвесторов. Согласно части 2 статьи 6 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ обязательными элементами этого Соглашения будут следующие. Во-первых, создание частным партнёром объекта соглашения – упомянутой выше цифровой платформы (пункт 19 части 1 статьи 7 названного федерального закона). Во-вторых, осуществление частным партнёром полного финансирования создания цифровой платформы. В-третьих, осуществление частным партнёром эксплуатации и технического обслуживания цифровой платформы. В-четвертых, возникновение у частного партнёра права собственности на созданную цифровую платформу. Заключение такого

Соглашения без проведения конкурса допускается по основанию пункта 5 части 2 статьи 19 названного федерального закона.

Ключевой особенностью создаваемой Универсальной цифровой платформы для частных инвесторов является именно её универсальность. Предлагается объединить в одной такой платформе и финансовую платформу для финансовых сделок, и инвестиционную платформу для оборота утилитарных цифровых прав, и информационную систему для оборота цифровых финансовых активов, цифровых валют. Кроме того, следует также предусмотреть возможность осуществления частными инвесторами на данной универсальной цифровой платформе сделок с бездокументарными ценными бумагами и с производными финансовыми инструментами.

Второе. Во взаимосвязи с первым нашим предложением о создании на Мосбирже Универсальной цифровой платформы для частных инвесторов следует активно использовать правовой арсенал, который Законодатель сконцентрировал в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹⁶ (Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах»). Согласно части 2 статьи 2 названного федерального закона финансовый рынок является направлением, по которому допустимы разработка, апробация, внедрение цифровых инноваций в рамках экспериментального правового режима. Несомненно, что инвестиционный сегмент Интернета входит в категорию «финансовый рынок». В рамках Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах» Банк России, как регулирующий, уполномоченный и координационный орган издает Акт специального регулирования, которым должна быть утверждена Программа экспериментального правового режима. Универсальная цифровая платформа для частных инвесторов должна в течение 3-х лет функционировать в рамках утвержденного экспериментального правового режима. Основу указанного правового режима составят, несомненно, федеральные

¹⁵ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Российская газета от 17 июля 2015 г. № 156.

¹⁶ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»//Российская газета от 6 августа 2020 г. № 173.

законы, которые мы исследовали в работе¹⁷, наряду с ними следует в процессе практической отработки дистанционно-цифровых сделок сформировать законопроект, также ранее упоминавшийся нами – федеральный закон «О совершении физическими лицами инвестиционных сделок в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"». Тем самым будет создана единая цифровая веб-площадка специально для граждан, дистанционные сделки на которой частные инвесторы смогут проводить по единому закону и по предельно простым и гибким процедурам со всеми легитимными бездокументарными и цифровыми объектами инвестирования.

Третье. В качестве типовых договорных конструкций необходимо разработать стандартные смарт-контракты для каждого объекта инвестирования: 1) бездокументарные ценные бумаги; 2) цифровое право; 3) утилитарное цифровое право; 4) цифровой финансовый актив; 5) цифровая валюта; 6) фьючерсный контракт. По нашему мнению, данную задачу следует решать Банку России путем государственных закупок. Каждый такой типовой смарт-контракт, представляя собой компьютерную программу, должен предусматривать возможность его сопряжения с программно-аппаратным комплексом Мосбиржи. Полагаем, что стабильное функционирование и масштабное привлечение финансовых ресурсов частных инвесторов для вложений в различные объекты инвестирования и соответственно в различные инвестиционные проекты следует поддерживать специальными страховыми гарантиями, которые также следует формализовать в типовых страховых смарт-контрактах - приложениях. Имея в виду, что страховщиком рисков финансовых потерь граждан, которые совершают на Универсальной цифровой платформе для частных инвесторов дистанционно-цифровые инвестиционные сделки, должна выступать Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов»¹⁸. Вопрос источников финанси-

рования страховых платежей указанному страховщику при совершении дистанционно-цифровых инвестиционных сделок следует проработать в рамках отдельного научного исследования. Потребуется соответствующие изменения и дополнения Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

Четвертое. Во взаимосвязи с третьим нашим предложением о типовых смарт-контрактах следует формировать их программные алгоритмы с четким построением правовых конструкций, соответствующих договорам репо и эскроу. Для минимизации конфликтов в инвестиционных отношениях правовые конструкции репо и эскроу должны использоваться по особым информационным технологиям – blockchain и смарт-контракта в сочетании. Объединение участников инвестиционных сделок в единую, распределенную по узлам и субъектам систему предоставляет, во-первых, возможность оперативно фиксировать все юридические факты; во-вторых, способствует развитию правопорядка и открытости деятельности субъектов инвестиционных отношений за счет автономного обмена данными и их дублированного хранения. Разделение сделки репо на две части существенно снижает вероятность конфликта сторон при исполнении обязательств. Аналогично полезные результаты дает конструкция эскроу, поскольку цель договора эскроу, представляющего собой юридическое обеспечение инвестиционного оборота, состоит в достижении надлежащего правового результата, при котором отношение завершается взаимным, своевременным и в полном объеме исполнением обязательств.

На основе предложенного нами нового нотариального действия должна применяться в дистанционно-цифровых инвестиционных сделках новая правовая конструкция передачи вещи в залоговый депозит нотариуса, предусматривающая непрерывную видео трансляцию фактического располо-

¹⁷ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 7 августа 2019 г. № 172; Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Российская газета от 24 июля 2020 г. № 162; Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 6 августа 2020 г. № 173.

¹⁸ Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Российская газета от 27 декабря 2003 г. № 261.

жения и состояния предмета (предметов) залога. Подтвержденное нотариусом, а именно непрерывно транслирующееся видео изображение вещи, находящейся в депозите нотариуса в залоге, по официальному каналу интернет связи нотариуса (например, через портал «ГОСУСЛУГИ») позволит и инвестору, и залогодателю в любой момент по своему усмотрению наблюдать за вещным обеспечением обязательств получателя инвестиций. Такая правовая конструкция нотариального веб-залога – обеспечения обязательств – позволяет минимизировать географические перемещения залоговых предметов (слитки драгоценных металлов, драгоценные камни, наличная валюта, иные материальные ценности), поскольку подобные веб-залоговые ячейки в депозите нотариуса могут быть организованы непосредственно в хранилищах различных кредитных организаций, депозитариев, иных профессиональных участников финансового рынка. Получатель инвестиций в такой ситуации не будет привязан к залоговой вещи, с залогодателем он также может поддерживать общение дистанционно. По согласованию с залогодателем под нотариальный веб-залог получатель инвестиций может предлагать широкому кругу инвесторов целый спектр объектов для инвестирования. Бездокументарные ценные бумаги, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта – эти объекты могут им выпускаться для финансирования конкретного инвестиционного проекта. Полагаем, целесообразно в этом же официальном канале интернет связи нотариуса вместе с непрерывно транслирующимся видео изображением вещи, находящейся в депозите нотариуса в залоге, непрерывно транслировать текущую рыночную стоимость предмета залога. Данные сведения следует предоставлять также по интернет связи от профессионального оценщика, который будет являться стороной трехстороннего договора с залогодателем и получателем инвестиций.

Пятое. Полисубъектный юрисдикционный блокчейн в дистанционно-цифровых сделках на Универсальной цифровой платформе для частных инвесторов должен быть реализован по 6-ти узловой схеме взаимодействия субъектов, действующих на территории и под юрисдикцией Российской Федерации. Первый субъект (узел дублирования данных) – физическое лицо – частный инвестор – гражданин Российской Федерации. Второй субъект (узел дублирования

данных) – получатель инвестиций, получающий денежные средства от частного инвестора в счет встречного предоставления объекта инвестирования – российское юридическое лицо, индивидуальный предприниматель. Третий субъект (узел дублирования данных) – Минцифры России (веб-сайт «ГОСУСЛУГИ») фиксирует все юридически значимые действия по сделке физического лица – частного инвестора в его личном кабинете на сервере портала «ГОСУСЛУГИ». Четвертый субъект (узел дублирования данных) – Мосбиржа – оператор и владелец Универсальной цифровой платформы для частных инвесторов (веб-сайт Федеральной налоговой службы). Фиксация всех юридически значимых действий по сделке осуществляется в личном кабинете данного юридического лица на сервере ФНС. Пятый субъект (узел дублирования данных) – Банк России – отслеживает в режиме реального времени и фиксирует на своем сервере все без исключения платежи, осуществляемые сторонами по сделке. Также для учета инвесторов и объектов инвестирования, которыми они владеют, по результатам сделок на Универсальной цифровой платформе для частных инвесторов Банк России эксплуатирует депозитарно-регистрационную платформу, функционирующую в качестве специального электронного сервиса (веб-сайт Банка России). Шестой субъект (узел дублирования данных) – Верховный Суд Российской Федерации (специальный архив на сервере Суда для хранения данных по сделкам частных инвесторов, совершаемых на Универсальной цифровой платформе Мосбиржи).

Вместе с тем, процесс перехода финансового сектора к технологиям распределенного реестра (blockchain) позволит модернизировать структуру, повысить скорость и качество сделок в инвестиционном сегменте Интернета. Данные о сделках с такими объектами инвестирования, как бездокументарные акции, облигации, опционы эмитента, депозитарные расписки, цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, существующими вне материальной оболочки, можно в полной мере интегрировать в цепочку блоков, записываемых в специальный распределенный по 6-ти субъектам реестр. Дистанционная blockchain регистрация сделок с указанными объектами инвестирования создаст прозрачную и автономную систему с неизменяемыми данными, в рамках которой участники сделок автоматически

регистрируются на Универсальной цифровой платформе для частных инвесторов. Затем Мосбиржа при продаже или покупке активов подтверждает наличие на счетах сторон достаточного количества денежных средств для совершения сделки. Стороны совместно «подписывают» сделку посредством активации крипто ключей, чтобы разблокировать активы и денежные средства, а затем передать право собственности на них по открытому ключу. Данные о совершенной сделке в автоматическом режиме мгновенно передаются в распределенный реестр, поступая каждому из 6-ти указанных субъектов, тем самым действия по сделке подтверждаются, фиксируются, отображаются и далее хранятся у каждого из 6-ти субъектов в обновленном виде.

Проблема качества тех или иных информационных технологий, реальная эффективность их применения в инвестиционном сегменте Интернета, несомненно, является предметом отдельного научного исследования. Объективно следует выделить ряд проблемных обстоятельств (факторов), которые имеют место в связи с применением технологии blockchain. Во-первых, технические факторы. В литературе обращается внимание на существование технических проблем блокчейна, в частности, периода времени, необходимого на обработку транзакции. Отмечается, что внутри распределенного реестра, в частности, крипто валюты Биткойн частота совершения транзакции составляет всего 1 операцию в секунду с теоретически максимальным потоком в 7 т/с. В сравнении с существующими сетями обработки транзакций данный показатель очень мал, например, скорость VISA – 2000 т/с, пик – 10 000 т/с., Twitter – 5000 т/с, пик 15 000 т/с. В целях преодоления этого ограничения необходимо увеличивать размер каждого блока в цепочке реестра, что влечет ряд других проблем: увеличение компьютерных мощностей для поддержания работы сети и, как следствие, дополнительные затраты на закупку нового оборудования операторами сетей blockchain. В этой связи некоторые ученые находят главными барьерами для применения blockchain в финансовом секторе проблемы масштабируемости и рыночного риска, связанного с высокими затратами на поддержание функционирования систем распределенного реестра. Предлагаемый нами 6-ти узловой полисубъектный юрисдикционный блокчейн в силу своей оригинальной структуры от указанных проблем отграничен изначально.

Во-вторых, экономические факторы. Применение blockchain технологии, например, коммерческими организациями – участниками внешнеэкономической деятельности меняет традиционную структуру рынка и порядок заключения международных контрактов по покупке и продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг. Поскольку смарт-контракты способны заменить подписание договоров в письменной форме, обеспечить исполнение обязательств в автоматическом режиме, а также позволяют включать в программный код смарт-контракта условия о выборе правового режима той или иной юрисдикции и суда. Финансовый сектор под влиянием модернизации внешнеэкономической деятельности также претерпит существенные изменения. Согласно отчету Европейского агентства по ценным бумагам и рынкам одним из потенциальных рисков применения цифрового распределенного реестра (DLT) является увеличение волатильности рынка. Это происходит из-за неопределенности в вопросе технической безопасности смарт-контрактов, при условии, что объем капитальных вложений в цифровые объекты инвестирования будет увеличиваться в силу встроенных автоматических триггеров, вызывающих однонаправленную реакцию рынка во время стагнации экономики и очередного финансового кризиса. Предлагаемые нами для применения на Универсальной цифровой платформе для частных инвесторов типовые смарт-контракты обходят указанную проблему, поскольку стандартны и технически безопасны изначально.

В-третьих, институциональные факторы. В многогранных связях между хозяйствующими субъектами, особенно, находящимися под юрисдикцией разных государств, всегда присутствует необходимость установления четких правил взаимодействия как между сторонами, так и сторон с третьими лицами и государственными органами. В группе институциональных факторов можно выделить два направления: общие нормы общества (культура) и правовые проблемы. К первому направлению следует отнести проблему социального восприятия blockchain технологии, обусловленного отношением человечества к новому инновационному типу цифровой связи. Несомненно, участникам дистанционно-цифровых инвестиционных сделок необходимо будет привыкнуть к таким электронным транзакциям и со временем лично убедиться в их надежности и безопасности. В ракурсе вто-

рого направления следует признать, что в современной России правовое регулирование инвестиционных отношений в информационном пространстве в начале 2020-х гг. существенно и в целом прогрессивно продвинулось вперед. Отработка blockchain технологии на Универсальной цифровой платформе для частных инвесторов вполне реалистична на основе действующего новейшего законодательства об экспериментальных правовых режимах.

Шестое. Методология превенции конфликтов участников инвестиционных отношений в информационном пространстве и разработанный методологический комплекс предупреждения потенциальных конфликтов между участниками дистанционно-цифровых инвестиционных сделок должны в полной мере применяться при осуществлении экспериментального правового режима Универсальной цифровой платформы для частных инвесторов. Превентивно-профилактический методологический комплекс при его применении обеспечивает последовательность, рациональность и эффективность данного экспериментального правового режима в целом. В том числе: во-первых, предупреждение потенциальных конфликтов между контрагентами; во-вторых, управление объективными и субъективными рисками сторон; в-третьих, достижение законных интересов участников при совершении ими дистанционно-цифровых инвестиционных сделок в информационном пространстве; в-четвертых, профилактику неисполнения обязательств участниками инвестиционных сделок; в-пятых, понятный и минимально громоздкий порядок защиты их прав.

Кроме того, полагаем, что экспериментальный правовой режим Универсальной цифровой платформы для частных инвесторов не должен противоречить в своих

регулятивных положениях предложенной системе гарантий соблюдения законных интересов участников дистанционно-цифровых инвестиционных сделок. Указанная система интегрирует пять функциональных элементов: развитое гражданско-правовое регулирование; работоспособный институт финансового омбудсмена; эффективное регулирование данного сегмента рынка центральным банком; действующее в рамках законности юрисдикционное и неюрисдикционное правосудие; передовые информационные технологии совершения сделок и защиты прав.

Заключение

Таким образом, гражданско-правовая модель превенции неисполнения обязательств участниками инвестиционных сделок и защиты их прав в системной взаимосвязи интегрирует ряд специальных элементов. Во-первых, государственно-частное партнёрство, применяемое при создании Универсальной цифровой платформы для частных инвесторов. Во-вторых, применение экспериментального правового режима в сфере дистанционно-цифровых инвестиционных сделок. В-третьих, набор стандартных смарт-контрактов – дифференцированных по типам объектов инвестирования. В-четвертых, инновационные правовые конструкции для дистанционно-цифровых инвестиционных сделок. В-пятых, полисубъектный юрисдикционный блокчейн, реализуемый по 6-ти узловой схеме взаимодействия субъектов, действующих на территории и под юрисдикцией Российской Федерации. В-шестых, методологический комплекс превенции потенциальных конфликтов между участниками дистанционно-цифровых инвестиционных сделок, системный набор способов защиты их прав.

***Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
«Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая
превенция» (проект № 20-18-00314).***

Литература:

1. Alon Klement, Zvika Neeman, Yuval Procaccia Consumer Fraud, Misrepresentation and Reliance // International Review of Law and Economics. 2018. Volume 54. P. 96.
2. Biswas B., Gupta R. Analysis of barriers to implement blockchain in industry and service sectors. Computers & Industrial Engineering. 2019. Volume 136. P. 225-241.

3. Court of Justice of the European Union The exchange of traditional currencies for units of the 'bitcoin' virtual currency is exempt from VAT. Electronic Resource: URL: <http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-10/cp150128en.pdf>.
4. Daniel Cahill, Dirk G. Baur, Zhangxin (Frank) Liu, Joey W. Yang I am a blockchain too: How does the market respond to companies' interest in blockchain? // *Journal of Banking & Finance*. 2020. Volume 113. 105740.
5. Gervais Mwitende, Yalan Ye, Ikram Ali, Fagen Li Certificateless authenticated key agreement for blockchain-based WBANs // *Journal of Systems Architecture*. 2020. Volume 110. 101777.
6. Huckle S., Bhattacharya R., White M., Beloff N. Internet of things, blockchain and shared economy applications. The 7th International Conference on Emerging Ubiquitous Systems and Pervasive Networks (EUSPN 2016). *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 98. P. 461-466.
7. Janssena M., Weerakkodyb V., Ismagilova E., Sivarajah U., Irani Z. A framework for analysing blockchain technology adoption: Integrating institutional, market and technical factors // *International Journal of Information Management*. 2020. Volume 50. P. 302-309.
8. Jun Chen, Bin Ke, Donghui Wu, Zhifeng Yang The consequences of shifting the IPO offer pricing power from securities regulators to market participants in weak institutional environments: Evidence from China // *Journal of Corporate Finance*. 2018. Volume 50. P. 360.
9. L. Hughes, Y.K. Dwivedi, S.K. Misra, N.P. Rana, V. Raghavan, V. Akella Blockchain research, practice and policy: Applications, benefits, limitations, emerging research themes and research agenda // *International Journal of Information Management*. 2019. № 49. P. 114-129.
10. M.L. Marsal-Lacuna Future living framework: Is blockchain the next enabling network? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. № 128. P. 226-234.
11. The official website of the Reserve Bank of SA 2018, Monetary Policy Statements. URL: <https://www.resbank.co.za/Publications/Statements/Pages/MonetaryPolicyStatements.aspx>.
12. Белоусов П. Программы блокчейна: что препятствует массовому внедрению смарт-контрактов. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/343843-programmy-blokcheyna-cto-prepyatstvuet-massovomu-vnedreniyu-smart-kontraktov>.
13. Громова Е.А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности // *Право и цифровая экономика*. 2018. № 2. С. 34-37.
14. Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // *Вестник гражданского процесса*. 2018. № 1. С. 211-219.
15. Иванов В.В., Нурмухаметов Р.К. Содержание и экономическая природа стейбл-коинов // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2020. № 1. С. 73-82.
16. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М., КонсультантПлюс, 2004.
17. Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // *Хозяйство и право*. 2017. № 9. С. 3-15.
18. ООО «РБК». Официальный сайт. DeFi, IEO и ICO. На чем больше всего заработали люди из сферы криптовалют. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f97164f9a794760968eb4c2>.
19. Павлов В.П. Цифровая форма финансовых обязательств: проблемы правового регулирования // *Банковское право*. 2018. № 3. С. 37-40.
20. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 143.
21. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // *Закон*. 2017. № 5. С. 94-117.
22. Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. Монография. М., 2020.
23. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права*. 2018. № 2. С. 30-74.
24. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // *Финансовое право*. 2018. № 7.
25. Шумская Е.И., Шумская А.И. Цифровая экономика: вопросы безопасности и киберпреступления // *Философия хозяйства*. 2019. № 6 (126). С. 167-175.
26. Завьялова Е.Б., Шумская Е.И., Шумская А.И. Сделки в цифровую эпоху: технология блокчейн и смарт-контракты // *Право и управление. XXI век*. 2019. Т. 15. № 3(52). С. 32-38. DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-32-38.
27. Шумская Е.И. Меры экономической политики для стимулирования инновационного развития // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 4 (66). С. 163-176.

RISK OF NON-FULFILLMENT OF OBLIGATIONS BY PARTICIPANTS OF INVESTMENT DEALS: PREVENTIVE CIVIL LAW MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF RIGHTS

Introduction. The article is devoted to the study of legal mechanisms to protect the rights of participants of remote-digital transaction, made by a private investor (individual) and a legal entity (investment intermediary, investment recipient) with a particular object of investment and related to the real contracts. Violations of the rights of the parties to the transaction are most often associated with the stage of completion of such transaction and are a consequence of untimely and/or incomplete return of the invested money, failure of the counterparty-debtor to fulfill its obligations immediately upon receipt of money from the investor - upon transfer of the investment object itself. Failure to pay the promised income naturally gives rise to a conflict. Meanwhile, the existing nowadays tools of financial security of entrepreneurial projects objectively can not fully meet the current needs of business entities, and new objects of investment still poorly studied in terms of legal science, require the definition of their legal characteristics and the establishment of the legal nature.

Materials and methods. The methodological basis of the study was materialistic positivism combined with the application of general scientific methods of knowledge. Including: dialectical method, formal-logical, analysis, synthesis, deduction and induction, methods of hypothesis, analogy, etc. Particular scientific methods are applied in the work, such as: historical and retrospective method, functional, statistical. Special methods of cognition of legal science are also applied: comparative-legal, the method of systemic research, formal-legal, etc. The work also used the method of legal modeling, which allowed to form the structure and functional elements of civil-legal model of prevention of non-fulfillment of obligations by participants of remote-digital investment transactions in the information space, protection of their rights and legitimate interests.

The normative legal base of the work consisted of the provisions of existing legislative acts. Among them: Federal Law of the Russian Federation from 07.02.1992 № 2300-1 "On protection of consumer rights"; Federal Law of the Russian Federation from 23.12.2003 № 177-FZ "On insurance of deposits in banks of the Russian Federation"; Federal Law from 31.07.2020 № 258-FZ "On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation"; Federal Law of the Russian Federation from 13.07.2015 № 224-FZ "On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amending certain legislative acts of the Russian Federation" and others.

The empirical basis of the research were materials of judicial and arbitration practice (for example,

Ryazhsky District Court of Ryazan Region; Arbitration Court of Moscow; Ninth Arbitration Court of Appeal of Arbitration Court of Moscow; Zavodoukovsky District Court of Tyumen Region; Tyumen Regional Court, etc.), as well as statistical data published on the official websites of business entities (for example, PJSC Mosbirzhi, American consulting firm "Satis Group" LLC and others).

Theoretical basis consisted of the works of domestic (A.I. Goncharov, A.O. Inshakova, L.A. Novoselova, A.I. Saveliev, E.E. Frolova, Y.S. Kharitonova and others) and foreign scientists (V. Akella, Bin Ke, Y.K. Dwivedi, Donghui Wu, L. Hughes, S.K. Misra, N.P. Rana, V. Raghavan, Jun Chen, Zhifeng Yang, etc.) in the corresponding field of research.

Research results. As a result of the study, it was found that modern remote digital technologies have gained popularity and are already justifying expectations in the information space. Meanwhile, the token market turned out to have a huge number of so-called "scams" - fraudulent projects whose purpose is to raise funds by deception; in reality, such organizers of investments only created the appearance of implementing a project without any intention to put it into practice. It was also found that many authors, both Russian and foreign, in the modern period pay attention to such modern information technologies as distributed registry technology (blockchain) and smart-contract technology. However, in the scientific developments of colleagues there are no recommendations for specific construction of a civil law model of interaction between participants of remote digital transactions in the information space on the basis of a combination of distributed registry (blockchain) and smart contract technologies.

Discussion and conclusion. On the basis of modern information technologies it is proposed to organize and regulate the turnover of investment objects in the information space in such a way that the very need to protect rights would disappear since it is impossible to violate them. For the prevention of violations and at the same time the protection of rights it is recommended to use in combination the technology of a distributed register (blockchain) and the technology of a smart contract. Fundamentally important model elements of such a system of violation prevention and protection of rights of participants of remote-digital investment transactions are outlined. The key feature of the proposed Universal Digital Platform for Private Investors is its versatility. It is proposed to combine in one such platform and a financial platform for financial transactions, and an investment platform for the turnover of utilitarian digital rights, and an information system

for the turnover of digital financial assets, digital currencies. As standard contractual structures it is recommended to develop standard smart contracts for each object of investment: 1) uncertified securities; 2) digital rights; 3) utilitarian digital rights; 4) digital financial asset; 5) digital currency; 6) futures contract. This task is recommended to be solved by the Bank of Russia through public procurement. Each such standard smart contract, being a computer program, must provide for the possibility of its interfacing with the hardware and software complex of the Moscow Exchange.

The article substantiates the necessity of introducing amendments and additions into the Federal Law of 23.12.2003 #177-FZ "On Insurance of Deposits in Banks of the Russian Federation". In conjunction with the proposal of standard smart contracts it is proposed to form their software algorithms with a clear construction of legal structures corresponding to repo and escrow contracts. The new notarial action in the process of registration of remote digital investment transactions and the new legal construction of the transfer of a thing to the notary's security deposit are proposed.

It is proved that polysubject jurisdictional blockchain in remote digital transactions on the Universal Digital Platform for Private Investors should be implemented according to a 6-node scheme of interaction between entities operating in and under the jurisdiction of the Russian Federation. Risk factors for the imple-

mentation of remote blockchain registration of transactions with special investment objects are highlighted. Among such factors are argued: technical factors; economic factors; institutional factors.

It is concluded that the civil law model of prevention of defaults of participants of investment transactions and protection of their rights in a systemic relationship integrates a number of special elements. First, public-private partnership; second, the use of experimental legal regime in the field of remote-digital investment transactions; third, a set of standard smart contracts - differentiated by type of investment objects; fourth, innovative legal structures for remote-digital investment transactions; fifth, polysubject jurisdictional blockchain, implemented by a 6 node scheme of interaction of entities operating in and under the jurisdiction of the Russian Federation; sixth, a methodological set of prevention of potential conflicts between participants of remote-digital investment transactions, a systematic set of ways to protect their rights.

Denis E. Matytsin,

Candidate of Economic Sciences, Research Fellow at the Institute of Law, Volgograd State University, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volzhsky Branch of the International Law Institute

Ключевые слова:

инвестиции; дистанционно-цифровая сделка; участники инвестиционной сделки; частный инвестор; защита прав; смарт-контракт; полисубъектный юрисдикционный блокчейн; репо; эскроу.

Keywords:

investment; remote-digital transaction; investment transaction parties; private investor; rights protection; smart contract; polysubject jurisdictional blockchain; repo; escrow.

References:

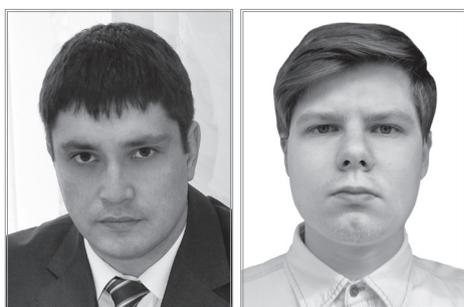
1. Alon Klement, Zvika Neeman, Yuval Procaccia, 2018. Consumer Fraud, Misrepresentation and Reliance. *International Review of Law and Economics*. Volume 54. P. 96.
2. Biswas B., Gupta R., 2019. Analysis of barriers to implement blockchain in industry and service sectors. *Computers & Industrial Engineering*. Volume 136. P. 225-241.
3. Court of Justice of the European Union The exchange of traditional currencies for units of the 'bitcoin' virtual currency is exempt from VAT. Electronic Resource: URL: <http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-10/cp150128en.pdf>.
4. Daniel Cahill, Dirk G. Baur, Zhangxin (Frank) Liu, Joey W. Yang, 2020. I am a blockchain too: How does the market respond to companies' interest in blockchain? *Journal of Banking & Finance*. Volume 113. 105740.
5. Gervais Mwitende, Yalan Ye, Ikram Ali, Fagen Li, 2020. Certificateless authenticated key agreement for blockchain-based WBANs. *Journal of Systems Architecture*. Volume 110. 101777.
6. Huckle S., Bhattacharya R., White M., Beloff N., 2016. Internet of things, blockchain and shared economy applications. The 7th International Conference on Emerging Ubiquitous Systems and Pervasive Networks (EUSPN 2016). *Procedia Computer Science*. Vol. 98. P. 461-466.
7. Janssen M., Weerakkodyb V., Ismagilova E., Sivarajah U., Irani Z., 2020. A framework for analysing blockchain technology adoption: Integrating institutional, market and technical factors. *International Journal of Information Management*. Volume 50. P. 302-309.

8. Jun Chen, Bin Ke, Donghui Wu, Zhifeng Yang, 2018. The consequences of shifting the IPO offer pricing power from securities regulators to market participants in weak institutional environments: Evidence from China. *Journal of Corporate Finance*. Volume 50. P. 360.
9. L. Hughes, Y.K. Dwivedi, S.K. Misra, N.P. Rana, V. Raghavan, V. Akella, 2019. Blockchain research, practice and policy: Applications, benefits, limitations, emerging research themes and research agenda. *International Journal of Information Management*. № 49. P. 114-129.
10. M.L. Marsal-Lacuna, 2018. Future living framework: Is blockchain the next enabling network? *Technological Forecasting and Social Change*. № 128. P. 226-234.
11. The official website of the Reserve Bank of SA 2018, Monetary Policy Statements. URL: <https://www.resbank.co.za/Publications/Statements/Pages/MonetaryPolicyStatements.aspx>
12. Belousov P. Programmy blokchejna: chto prepjatzstvuev massovomu vnedreniju smart-kontraktov [Blockchain programs: what prevents the mass adoption of smart contracts]. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/343843-programmy-blokcheyna-chto-prepyatzstvuev-massovomu-vnedreniyu-smart-kontraktov>.
13. Gromova E.A., 2018. Smart-kontrakty v Rossii: popytka opredelenija pravovoj sushhnosti [Smart contracts in Russia: an attempt to determine the legal essence]. *Pravo i cifrovaja jekonomika [Law and digital economy]*. № 2. P. 34-37.
14. Zakirov R.F., 2018. Ispol'zovanie sovremennyh IT-tehnologij kak sredstvo dostizhenija osnovnyh zadach sudoproizvodstva [The use of modern IT technologies as a means of achieving the main objectives of legal proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa [Herald of Civil Procedure]*. № 1. P. 211-219.
15. Ivanov V.V., Nurmuhametov R.K., 2020. Soderzhanie i jekonomicheskaja priroda stejbl-koinov [The content and economic nature of stablecoins]. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie jekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravlenija i venchurnogo investirovanija Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta [Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center of the Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University]*. № 1. P. 73-82.
16. Lunc L.A., 2004. Den'gi i denezhnye objazatel'stva v grazhdanskom prave [Money and liabilities in civil law]. Moscow, 348 p.
17. Novoselova L.A., 2017. O pravovoj prirode bitkojna [On the legal nature of bitcoin]. *Hozjajstvo i pravo [Economy and Law]*. № 9. P. 3-15.
18. ООО «РБК». Oficial'nyj sajt. DeFi, IEO i ICO. Na chem bol'she vsego zarabotali ljudi iz sfery kriptoaljut. [DeFi, YEO and ITSO. What did people from the cryptocurrency industry make the most money on?]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f97164f9a794760968eb4c2>.
19. Pavlov V.P., 2018. Cifrovaja forma finansovyh objazatel'stv: problemy pravovogo regulirovanija [The digital form of financial obligations: problems of legal regulation]. *Bankovskoe pravo [Banking Law]*. № 3. P. 37-40.
20. Savel'ev A.I., 2017. Kriptoaljutjy v sisteme obektov grazhdanskih prav [Cryptocurrencies in the system of civil rights objects]. *Zakon [Law]*. № 8. P. 143.
21. Savel'ev A.I., 2017. Nekotorye pravovye aspekty ispol'zovanija smart-kontraktov i blokchejn-tehnologij po rossijskomu pravu [Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law]. *Zakon [Law]*. № 5. P. 94-117.
22. Sannikova L.V., Haritonova Ju.S., 2020. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz [Digital Assets: Legal Analysis]. Monografija. Moscow, P. 167.
23. Fedorov D.V., 2018. Tokeny, kriptoaljuta i smart-kontrakty v otechestvennyh zakonoproektah s pozicii inostrannogo opyta [Tokens, cryptocurrencies and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience]. *Vestnik grazhdanskogo prava [Herald of Civil Law]*. № 2. P. 30-74.
24. Cindeliani I.A., Nigmatulina L.B., 2018. Kriptoaljuta kak ob'ekt grazhdansko-pravovogo i finansovo-pravovogo regulirovanija [Cryptocurrency as an object of civil and financial regulation]. *Finansovoe pravo [Financial Law]*. № 7.
25. Shumskaya E.I., Shumskaya A.I., 2019. Cifrovaja ekonomika: voprosy bezopasnosti i kiberprestuplenija [Digital Economy: Security Issues and Cybercrime]. *Filosofija hozjajstva [Philosophy of Economy]*. № 6 (126). P. 167-175.
26. Zavalova E.B., Shumskaja E.I., Shumskaja A.I., 2019. Sdelki v cifrovuyu epohu: tekhnologija blokchejn i smart-kontrakty [Transactions in the digital age: blockchain technology and smart contracts]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. Vol. 15. № 3(52). P. 32-38. DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-32-38.
27. Shumskaya E.I., 2020. Mery ekonomicheskoi politiki dlya stimulirovanija innovacionnogo razvitiya [Economic Policy Measures for Stimulating Innovative Development]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]*. № 4 (66). P. 163-176.

ВИДЫ, ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ТИПОВЫХ КОНТРАКТОВ FIDIC

Алексей Кирсанов*
Александр Кораблин**

DOI 10.24833/2073-8420-2021-4-61-51-56

Введение. В статье рассматриваются виды типовых контрактов FIDIC, как наиболее часто применимых типовых форм договора строительного подряда, анализируются особенности каждого вида контракта FIDIC, история и причины возникновения и применения новых типовых форм контрактов.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения теоретического и практического опыта зарубежных стран в применении типовых контрактов строительного подряда FIDIC, история возникновения контрактов FIDIC, их особенности. Методологическую основу исследования составили метод системно-структурного анализа.

Результаты исследования. В статье рассмотрены формы контрактов строительного подряда FIDIC, их особенности, причины возникновения и распространения в международном строительстве.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что типовые контракты FIDIC являются эффективным универсальным механизмом регулирования правоотношений, вытекающих из международных строительных проектов и позволяют минимализировать влияние местного законодательства на международные строительные проекты, в которых могут принимать участие резиденты разных государств.

* **Кирсанов Алексей Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов, Россия
e-mail: aleksey-kirsanov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8382-3544

** **Кораблин Александр Валерьевич**, аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов, Россия
e-mail: korablin.av@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2863-764X

Введение

Контракты FIDIC разрабатываются и актуализируются Международной Федерацией инженеров-консультантов (International Federation of Consulting Engineers) начиная с 1957 года, и получили широкое применение как на местном уровне, при финансировании государством строительных проектов, например, во Франции, Австралии, Корею, Японии, так и на международном уровне, при реализации международных строительных проектов.

Международная Федерация инженеров-консультантов (International Federation of Consulting Engineers) была учреждена в 1913 году, первоначальными целями создания и деятельности организации было создание унифицированной международной методологической базы, определяющей порядок деятельности инженеров-консультантов.

В условиях экономической глобализации, которая также затронула и правовые процессы, в том числе в части регулирования правоотношений в области международного строительства, а следовательно, в нарастающих потребностях унификации таких процессов, направление деятельности Международной Федерации инженеров-консультантов (International Federation of Consulting Engineers) сменилось и основной целью организации стала разработка типовых условий контрактов для регулирования отношений участников международной инвестиционно-строительной деятельности.

Исследование

Страны, как в рамках одной правовой семьи, так и разных правовых семей, имеют разные подходы к регулированию строительного подряда, что порождает ряд трудностей в части правового регулирования правоотношений между участниками международных строительных проектов.

Например, в Англии, в контексте правового регулирования договора строительного подряда, Законом 1996 года о предоставлении жилищных грантов, строительстве и восстановлении, были определены императивные требования к форме контракта строительного подряда и основные способы урегулирования споров между сторонами строительного контракта.

При этом «английский законодатель, очевидно, не ставил перед собой цель решить вопросы общего (принципиального) характера, а скорее наоборот, действовал «с

оглядкой» на common law, и «подстраивался» под прецедентное право» [3. С. 3].

В странах романо-германской правовой семьи подход к регулированию договора строительного подряда, в силу своей специфики, выраженной в виде превалирующего положения закона (нормативного правового акта) над судебным прецедентом, значительно отличается от подхода стран англосаксонской правовой семьи.

В некоторых странах романо-германской правовой семьи, например в Германии, в принципе отсутствует отдельный нормативно-правовой акт или раздел унифицированного гражданского кодекса, который был бы целиком посвящен договору строительного подряда.

Во Франции Гражданский кодекс содержит положения, регулирующие исключительно правоотношения, возникающие из генерального подряда (титул VIII bis «О договоре подряда на капитальное строительство»).

Типовые контракты ФИДИК направлены на устранение указанных противоречий в подходах к регулированию строительного подряда. Представляя из себя унифицированные правила, контракты FIDIC сближают и упрощают правовое регулирование правоотношений, вытекающих из международного строительного подряда.

Разнообразие видов контрактов FIDIC, каждый из которых имеет свои особенности и конкретные задачи, позволяет применять типовые контракты под конкретные ситуации с учетом национальных особенностей законодательства участников международного строительного проекта.

Первый контракт FIDIC был опубликован в 1957 году под названием «Условия контракта (международного) на работы в сфере гражданского строительства» (Conditions of Contract (International) for Works of Civil Engineering Construction).

Этот контракт разрабатывался для применения в строительных работах, выполняемых при условиях, когда подрядчик выполняет работы по проекту подготовленному независимым инженером-консультантом, действующим от имени Заказчика.

Данный контракт впоследствии стал известен под названием «Красная книга» (Red book) из-за его красной обложки, название которой до сих пор используется для его обновленных, актуализированных редакций.

Контракты FIDIC содержат значительное количество положений, являющихся

руководством по их эксплуатации и использованию.

Последующие редакции Строительного контракта были опубликованы в 1967, 1973, 1977, 1987, 1992, 1999, 2017 годах. Версия 1973 года представляет наибольший интерес и имеет особое значение, потому что при его разработке руководствовались четвертым изданием английского «ICE Society of Construction Law Conference 2010 6/30. Conditions of Contract» и судебной практикой Великобритании, которая была интерпретирована в этом контракте.

Контракты FIDIC не подходили для применения в строительных проектах, в которых основные строительные элементы изготавливались по проекту Заказчика за пределами строительной площадки.

Поэтому, в 1963 году был разработан и опубликован контракт FIDIC, направленный на регулирование правоотношений из проектов по электромонтажным работам, проектированию. Данный контракт стал известен как желтая книга. В этом контракте особое внимание было уделено испытаниям, вводу объекта строительства в эксплуатацию, проектированию.

В середине 1990-х годов Международная Федерация инженеров-консультантов отреагировала на растущую популярность строительных проектов, которые включали в себя все этапы работ («под ключ» (Turnkey Projects)), начиная от проектирования и строительства и заканчивая вводом в эксплуатацию объекта строительства. Первое издание условий контракта FIDIC на проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию получило известность как «оранжевая книга» (Orange book).

В 1999 году был разработан и опубликован актуализированная редакция «оранжевой книги», которая получила название «серебряная книга» (Silver book). В обновленном контракте была отражена современная концепция строительства, согласно которой упраздняется фигура инженера, как независимого и объективного лица, в связи с чем, субъектный состав контракта претерпел существенные изменения.

В 1999 г. были обновлены три действовавших на тот момент формы контракта (красная книга, желтая книга, серебряная книга).

Целью обновления редакций контрактов была стандартизация используемой терминологии.

Актуальной на текущий момент редакцией контрактов FIDIC (красная кни-

га, желтая книга, серебряная книга) является редакция, опубликованная в 2017 г. Изменения затронули терминологию, используемую в контрактах, структуру форм контрактов.

Кроме вышеуказанных так называемых основных контрактов, FIDIC разработало и опубликовало Краткую форму контракта в 1999 году (зеленая книга) и Условия контракта на проектирование, строительство и эксплуатацию проектов (золотая книга) в 2007 году.

Таким образом, в настоящее время FIDIC публикует Условия контрактов для:

- Строительства (красная книга);
- Проектирование (желтая книга);
- «Под ключ» (Turnkey Projects)) (серебряная книга);
- Проектирование, строительство и эксплуатация проектов (2007 г.) (золотая книга);
- Краткая форма (1999 г.) (зеленая книга).

Важной особенностью всех вышеуказанных контрактов FIDIC является запрет на внесение правок в стандартные формы - Общие условия контрактов. Любые поправки к Общим условиям FIDIC, относящиеся к конкретному проекту, должны быть подробно описаны сторонами в Особых условиях, которые не могут противоречить Общим условиям контракта.

Примером официального внесения изменений в Общие условия типового контракта FIDIC может служить появление в 2005 г. Согласованного издания MDB Условия контракта на строительство FIDIC (MDB Harmonised Edition of the FIDIC Conditions of Contract for Construction), которое возникло вследствие того, что Международные многосторонние банки развития, финансирующие крупные международные строительные проекты по всему миру, предъявляют особые требования к финансируемым ими строительным проектам, что вынудило их договориться с FIDIC об изменении Общих условий.

Согласованное издание MDB Условия контракта на строительство FIDIC содержит ряд конкретных изменений и дополнений. Изменения включают в себя возложение на Подрядчика обязательств в отношении своего персонала, а также положения, которые предоставляют банкам право проводить аудит счетов Подрядчика.

В основе контрактов FIDIC лежит цель уменьшить количества споров, возникающих из контрактных правоотношений. Дан-

ная цель достигается тем, что контракты FIDIC регламентируют процедуры управления проектами, необходимые для эффективного выполнения Работ и исполнения контрактов. Контракты FIDIC призваны обеспечить основу для взаимоотношений между сторонами, исходя из фактических обстоятельств, возникающих наиболее часто при выполнении контрактов на строительство. Соответственно, контракты FIDIC обеспечивают конкретный порядок взаимоотношений между Инженером, Заказчиком и Подрядчиком.

Чтобы помочь с наиболее практически аспектами реализации проекта по контракту FIDIC, FIDIC организует учебные курсы, практикумы, семинары и конференции по всему миру, а также публикует Руководство по контрактам (Contracts Guide) [4. С. 1-9].

В качестве основных преимуществ типовых контрактов, в частности, контрактов FIDIC, которые привели к распространению контрактов в области международного строительного подряда, можно выделить:

- стандартизация формы контракта привела к соблюдению баланса интересов сторон контракта, что в конечном счете, сократило фактическое время, необходимое сторонам контракта для согласования его условий.

- Типовой характер контрактов позволяет свести к минимуму недопонимание условий контракта между Заказчиком, Подрядчиком, инженерами, являющимися резидентами разных государств.

- Использование надежной стандартной формы уменьшает потенциальную область разногласий или, по крайней мере, обеспечивает беспристрастную отправную точку, с которой стороны могут вести переговоры.

- Отсутствие необходимости у сторон контракта проводить оценку дополнительных рисков, вытекающих из содержания контракта.

Хотя любой конкретный термин в контракте FIDIC может обсуждаться в контексте местного законодательства любого государства, с международной точки зрения такой контракт является наиболее эффективной мировой практикой.

Несмотря на существующий запрет FIDIC вносить изменения в Общие условия типовых контрактов без лицензии, на практике, нередки случаи, когда стороны предпринимают попытки по изменению таких

условий типовых форм контрактов FIDIC. При этом есть веская причина не поощрять такие изменения стандартных форм контрактов FIDIC: даже небольшое изменение Общих условий типовых форм может существенно повлиять на толкование всего контракта в целом.

Формат, в котором FIDIC публикует свои контракты (на бумажном носителе или в виде зашифрованных электронных файлов PDF), разработан таким образом, чтобы активно препятствовать несанкционированному копированию и изменению Общих условий. Любые поправки к Общим условиям FIDIC, относящиеся к конкретному проекту, должны быть подробно описаны в Особых условиях. Это гарантирует, что любые изменения, вносимые в стандартные условия, очевидны и прозрачны.

Поддержание целостности Общих условий FIDIC помимо всего вышесказанного также сокращает время на оценку тендерной документации. Это также сводит к минимуму вероятность того, что участник тендера может не знать о поправке к конкретному проекту, которая значительно увеличивает риски Подрядчика.

Есть надежда, что такой подход к изменению стандартной формы контрактов FIDIC сохранится. Стандартная форма контракта увеличивает уверенность и практическое знание тех, кому поручено фактическое исполнение контракта.

Однако, как упоминалось выше, с 2005 года Многосторонние банки развития используют версию контракта на строительство FIDIC: Согласованное издание MDB Условия контракта на строительство FIDIC. На конференции Общества строительного права 2010 13/30, рассматривая требования о внесении поправок в общие условия, FIDIC разработала политику, в соответствии с которой может согласиться на внесение поправок в стандартные Общие условия. Чтобы получить одобрение необходимо одновременное наличие следующих условий:

- поправки в типовые условия необходимы для конкретного и относительно уникального проекта;

- условия использования и соответствующая лицензионная плата должны быть согласованы;

- особые условия, закрепленные в Общих условиях, сделают закупки более простыми и прозрачными;

- конкретные поправки вносятся компетентными разработчиками.

Результаты исследования

Ведущая роль регулятора договора строительного подряда, в настоящий момент, принадлежит так называемому «формулярному праву», которое представлено в виде типовых контрактов, разработанных профессиональными ассоциациями участников строительства, наиболее распространенными и рассматриваемыми в рамках настоящей статьи являются типовые контракты FIDIC, разработанные Международной Федерацией инженеров-консультантов.

Ведущая роль контрактов FIDIC в регулировании правоотношений, вытекающих из договоров международного строительного подряда обусловлена наличием стандартов, позволяющих сохранять целостность общих условий FIDIC, а также универсальностью и простотой использования типовых форм.

Типовые контракты FIDIC отличаются видами, каждый из которых предназначен для регулирования определенных правоотношений между участниками строительного проекта, что, в свою очередь, позволяет

применять контракты FIDIC к правоотношениям между субъектами разных правовых систем, в том числе, правовых систем, имеющих разные подходы к правовому регулированию правоотношений, возникающих из строительного подряда.

Заключение

Следует отметить, что в условиях экономической глобализации и возросшего спроса на международные строительные проекты типовые контракты FIDIC играют значительную роль в регулировании правоотношений между участниками таких проектов.

Типовые контракты FIDIC установили стандарты, которые, по общему правилу, не могут быть проигнорированы сторонами путем их исключения из контракта, что, с учетом многообразия типовых форм контрактов FIDIC, позволило преодолеть различия правовых систем, национального законодательства стран в части регулирования договора строительного подряда.

Литература:

1. Адамчук Е.Е. Зарубежный опыт правового регулирования договора строительного подряда // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 2. С. 71-76.
2. Новоселов М.А. Применение Lex constructionis в России для регулирования договора международного строительного подряда. Бизнес в законе // Экономико-юридический журнал. 2014. № 4. С. 104-107.
3. Krol John J.P. Construction Contract Law. New York. Wiley. 1993.
4. Contracts Guide. Chairman, FIDIC Contracts Committee. Chris Wade Consulting Engineer Limited, Sharsted Court, Newnham, Sittingbourne, Kent, England ME9 OJU. 2002. С. 1-9.
5. Дубинчин А.А. Английское контрактное право: практ. пособие для российского юриста: заключение договора. М., 2012.
6. Завьялова Е.Б., Шумская Е.И., Шумская А.И. Сделки в цифровую эпоху: технология блокчейн и смарт-контракты // Право и управление. XXI век. 2019. Т. 15. № 3(52). С. 32-38. DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-32-38.
7. Шумская Е.И. Меры экономической политики для стимулирования инновационного развития // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). С. 163-176.

TYPES, CHARACTERISTICS AND FEATURES OF MODEL FIDIC CONTRACTS

Introduction. The article examines the types of standard FIDIC contracts, as the most commonly applicable standard forms of a construction contract, analyzes the features of each type of FIDIC contract, the history and reasons for the emergence and use of new standard forms of contracts.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of studying the theoretical and practical experience of foreign countries in the application of standard FIDIC construction contracts, the history of FIDIC contracts, their features. The methodological basis

of the research was formed by the method of system-structural analysis.

The results of the study. The article discusses the forms of FIDIC construction contracts, their features, the reasons for their emergence and distribution in international construction.

Discussion and conclusions. The study showed that FIDIC model contracts are an effective universal mechanism for regulating legal relations arising from international construction projects and allow minimizing the impact of local legislation on international construction projects in which residents of different states can take part.

Alexey N. Kirsanov,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure
and International Private Law, Peoples'
Friendship University of Russia

Alexander V. Korablin,
Graduate student of the Department of
Civil Law and Procedure and International
Private Law, Peoples' Friendship University
of Russia

Ключевые слова:

FIDIC model contracts, international construction contract, foreign experience of legal regulation, international construction contract.

Keywords:

Lex constructionis, an international construction contract, foreign experience in legal regulation, the legal nature of Lex constructionis, a construction contract.

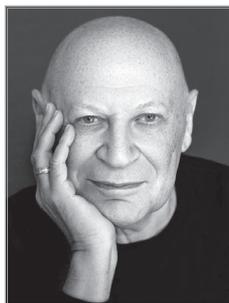
References:

1. Adamchuk E.E., 2017. Zarubezhnyj opyt pravovogo regulirovaniya dogovora stroitel'nogo podryada [Foreign experience in legal regulation of construction contracts]. *Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik [North Caucasian Law Herald]*. № 2. P. 71-76.
2. Novoselov M.A., 2014. Primenenie Lex constructionis v Rossii dlja regulirovaniya dogovora mezhdunarodnogo stroitel'nogo podryada [Use of Lex construction in Russia to regulate an international construction contract]. *Biznes v zakone. Jekonomiko-juridicheskij zhurnal [Business in Law. Economic and Legal Journal]*. № 4. P. 104-107.
3. Krol John J.P., 1993. Construction Contract Law. New York. Wiley. P. 288.
4. Contracts Guide. Chairman, FIDIC Contracts Committee. Chris Wade Consulting Engineer Limited, Sharsted Court, Newnham, Sittingbourne, Kent, England ME9 OJU. 2002. P. 1-9.
5. Dubinchin A.A., 2012. Anglijskoe kontraktnoe pravo: prakt. posobie dlja rossijskogo jurista: zaključenje dogovora [English contract law: prakt. manual for a Russian lawyer: conclusion of a contract]. Moscow.
6. Zavyalova E.B., Shumskaia E.I., Shumskaia A.I., 2019. Sdelki v cifrovuyu epohu: tekhnologiya blokchejn i smart-kontrakty [Transactions in the digital age: blockchain technology and smart contracts]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. Vol. 15. № 3(52). P. 32-38. DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-32-38.
7. Shumskaya E.I., 2020. Mery ekonomicheskoy politiki dlya stimulirovaniya innovacionnogo razvitiya [Economic Policy Measures for Stimulating Innovative Development]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]*. № 4 (66). P. 163-176.

ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19

Дмитрий Городецкий*

DOI 10.24833/2073-8420-2021-4-61-57-67

Введение. Статья посвящена исследованию механизмов поддержки инфраструктурных проектов в условиях распространения пандемии COVID-19 в Российской Федерации.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормативные акты, информационно-справочные материалы министерств и ведомств, коммерческих организаций, имеющих отношение к реализации государственной политики в сфере развития инфраструктурных отраслей экономики и ликвидации последствий пандемии COVID-19. При подготовке статьи также использованы экспертные мнения, отчеты рейтинговых агентств, публикации в российских и зарубежных изданиях.

В качестве методов исследования применялись: статистические методы, методы формальной логики, описания и интерпретации, толкования нормативных актов. Исследование построено на характеристике и анализе основных моментов процесса реализации государственной поддержки инфраструктурных проектов.

Результаты исследования. Реализация инфраструктурных проектов в период экономического кризиса, как показывает многолетний (начиная с 30-х годов прошлого века) опыт, является одним из важнейших путей уменьшения негативных последствий за счет генерируемого при реализации этих проектов мультипликативного эффекта.

Наиболее уязвимыми инфраструктурными отраслями являются транспортная, энергетическая и социальная, в меньшей степени страдает коммунальная инфраструктура. По итогам 2020 года в наибольшей степени пострадали проекты либо на стадии строительства, либо введенные в эксплуатацию, но значительно зависящие от потребительского спроса.

Российская Федерация оказалась в числе немногих стран, где в условиях пандемии осуществлялась значительная государственная поддержка реализации инфраструктурных проектов. При этом был использован достаточно широ-

* **Городецкий Дмитрий Игоревич**, доктор экономических наук, профессор кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: gorod1949@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3052-1371

кий и гибкий инструментарий: предоставление льготных целевых бюджетных кредитов, реструктуризация ранее выданных бюджетных кредитов на льготных условиях, финансирование проектов за счет средств, вырученных от размещения инфраструктурных облигаций с государственной поддержкой.

Обсуждение и заключение. *Следует отметить определенную отраслевую ограниченность мер поддержки: большей частью меры поддержки реализуются в таких сферах, как жилищно-коммунальная и транспортная инфраструктура, частично – в топливно-энергетической сфере.*

Не отличается последовательностью нормативное обеспечение мер государственной поддержки. В руководящих документах, невозможно с определенной точностью выделить проекты, разработанные непосредственно в период пандемии. Кроме того, с учетом необходимости оперативного ответа событиям, связанным с негативным влиянием пандемии на развитие инфраструктуры, вызывает сомнение отсутствие в нормативных документах четко установленных сроков исполнения отдельных руководящих положений.

Введение

Двухлетнее распространение пандемии COVID-19 во всем мире оказывает значительное негативное влияние на экономику и социальную сферу.

Опыт и промежуточные результаты глобальной борьбы с пандемией COVID-19 показали, что в этом глобальном процессе задействовано весьма активно большинство известных разновидностей инфраструктуры: социальной, производственной, технологической, транспортной, коммунальной, энергетической. Основным эффектом пандемии, наряду с человеческими потерями, является спад деловой активности как результат ограничения активности потребительской, и, как следствие, снижение выручки, падение объемов оборотных средств, зачастую ниже необходимого минимума, и иные негативные последствия.

С другой стороны, опыт сходных по последствиям экономических кризисов прошлых лет показывает, что мультипликативный эффект инвестиций в инфраструктурные проекты в период спада деловой активности даже выше, чем в период ее роста, в связи с чем активизация инвестиционного процесса полагается одним из эффективных инструментов преодоления негативных последствий кризиса.

Целью настоящей статьи является исследование механизмов поддержки инфраструктурных проектов в условиях распространения пандемии COVID-19.

Проблема поддержки постковидных инфраструктурных проектов многократно рассматривалась на уровне руководства государства и правительства.

Материалы и методы. Значение инфраструктурного развития в системе механизмов повышения качества жизни населения трудно переоценить, свидетельством чему является практически постоянный интерес к данной сфере как управленческих структур всех уровней, так и научного сообщества [1, 10]. Инфраструктура оценивается как «...фундамент, лежащий в основе национальной экономики, обеспечивающий упорядоченное и устойчивое развитие отраслей, созданный на определенном пространстве комплекс условий, стимулирующих развитие экономической деятельности этой территории» [7. С. 197].

Прежде всего, необходимо оговорить само понятие инфраструктуры в контексте настоящего исследования.

Понятие инфраструктуры определяется в п.1 Правил определения новых инвестиционных проектов, в целях реализации которых средства бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемые в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, подлежат направлению на осуществление субъектом Российской Федерации бюджетных инвестиций в объекты инфраструктуры, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от

19 октября 2020 г. № 1704¹, согласно которому под объектами инфраструктуры понимаются объекты транспортной, инженерной, энергетической и коммунальной инфраструктуры. 27 мая 2021 года Постановлением Правительства Российской Федерации №801² к указанному перечню объектов инфраструктуры добавлены также объекты инфраструктуры промышленных парков, промышленных технопарков, особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития, инновационных научно-технологических центров, если эти объекты необходимы для реализации нового инвестиционного проекта. В этой связи необходимо заметить, что характер развития современного общества с необходимостью ставит вопрос о выделении в самостоятельную отрасль (и, соответственно, включении в систему инфраструктурных отраслей) информационной инфраструктуры [12].

В настоящей статье использованы информационные материалы, планы, отчеты и нормативные акты министерств и ведомств, коммерческих организаций, имеющих отношение к реализации государственной политики в сфере развития инфраструктурных отраслей экономики и ликвидации последствий пандемии COVID-19. Источниковой базой послужили также экспертные мнения, отчеты рейтинговых агентств, публикации в российских и зарубежных научных изданиях.

В качестве методов исследования использовались статистические методы, методы формальной логики, описания и интерпретации, толкования нормативных актов. Исследование построено на характеристи-

ке и анализе основных моментов процесса реализации государственной поддержки инфраструктурных проектов в период пандемии коронавирусной инфекции. Обобщение исходных данных, результатов научных трудов в рассматриваемой сфере позволили сконцентрировать внимание на проблемных вопросах организации этого процесса.

Исследование

Наиболее явно выраженными эффектами негативного влияния последствий распространения пандемии COVID-19 на развитие инфраструктуры являются:

- увеличение риска нереализации проектных инициатив;
- существенное падение выручки и иные потери бизнеса в реализованных проектах;
- значительный рост капитальных расходов в проектах, находящихся на стадии реализации³.

Значимость поддержки именно инфраструктурных проектов в период кризиса определяется тем, что реализация этих проектов является одним из важнейших путей повышения валового внутреннего продукта, имеющего мультипликативный эффект за счет следующих факторов:

- создания новых рабочих мест и объемов сбыта для бизнеса;
- своевременного и качественного предоставления услуг населению через объекты инфраструктуры;
- развития инфраструктуры, создающей возможности для дальнейшего роста экономики и притока частных инвестиций⁴.

¹ Об утверждении Правил определения новых инвестиционных проектов, в целях реализации которых средства бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемые в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, подлежат направлению на осуществление субъектом Российской Федерации бюджетных инвестиций в объекты инфраструктуры: постановление Правительства Российской Федерации от 19 октября 2020 года № 1704 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010270032>

² О внесении изменений в Правила определения новых инвестиционных проектов, в целях реализации которых средства бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемые в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, подлежат направлению на осуществление субъектом Российской Федерации бюджетных инвестиций в объекты инфраструктуры: постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 года № 801 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105310004>

³ Кризис и инфраструктура. Стоит ли сокращать расходы на инфраструктурные проекты / АНО «Национальный центр ГЧП». – М.: АНО «Национальный центр ГЧП»; Платформа «РОСИНФРА». – 2020. – С. 5. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/krizis-i-infrastruktura-stoit-li-sokratat-rashody-na-infrastrukturnye-proekty>

⁴ Там же. С. 6.

Влияние пандемии COVID-19 признается определяющим фактором для инфраструктурных отраслей [11]. По оценкам экспертов наиболее уязвимыми инфраструктурными отраслями являются транспортная, энергетическая и социальная. В меньшей степени страдает коммунальная инфраструктура [3. С. 1-2]. По итогам 2020 года можно отметить, что в наибольшей степени пострадали проекты либо на стадии строительства, либо введенные в эксплуатацию, но значительно зависящие от потребительского спроса (прежде всего, проекты в транспортной сфере)⁵.

Потери инфраструктурных компаний за 2020 год составили по экспертным оценкам около 1,93 трлн. руб., что эквивалентно отсутствию выручки за 1,5 месяца. 66% потерь пришлось на транспортную инфраструктуру, компании которой потеряли в среднем 18,4%. Но если оценивать по соотношению «ущерб/выручка», то в наибольшей степени пострадала социальная инфраструктура: здесь недополучение выручки составило свыше 35%. В меньшей степени пострадали предприятия энергетической и коммунальной сферы (падение выручки на 3% и 10% соответственно)⁶.

Уже в первой половине 2020 года и в Российской Федерации, и в большинстве стран мира очевидным стало понимание того, что большая часть экономики в целом и инфраструктурных отраслей в частности попали под негативное влияние пандемии, и самостоятельно справиться с последствиями этого влияния они не смогут. Актуализировалась необходимость принятия срочных активных мер поддержки со стороны государства.

Ситуация, при которой от государства потребовалось масштабное вмешательство в экономику, не явилась полностью новой. Мировой практикой управления макроэкономическими процессами уже накоплен определенный опыт такого рода вмешательства, впервые осуществленного в период Великой депрессии в США в 30-е годы прошлого века и успешно развитого при прео-

долении последствий экономических кризисов 1998 и 2008 годов. Остановимся вкратце на наиболее ярких зарубежных примерах этого опыта.

Так, для преодоления последствий кризисов Китай осуществлял массированное вливание финансовых средств в инфраструктурные проекты. В 1998 году состоялся выпуск инфраструктурных облигаций объемом более \$ 90 млрд. для финансирования строительства дорог, морских портов, образовательных объектов и развития телекоммуникаций. В 2008 году Китай выделил \$ 586 млрд. (что составляло 12% от ВВП) на развитие транспортной, жилищно-коммунальной инфраструктуры, на реализацию проектов в сфере экологии и энергетики⁷. И в том, и в другом случае стране удалось относительно быстро вернуться на обычные 7-9% ежегодного экономического роста.

В Республике Корея применялись иные подходы, но также направленные на активизацию разработки и реализации инфраструктурных проектов. В 1998 году для привлечения частных инвестиций были внедрены гарантии минимального дохода в инфраструктурных проектах, основанных на государственно-частном партнерстве, которые в 2009 году были заменены на компенсации затрат частных инвесторов с премиями, эквивалентными ставке по государственным облигациям. Кроме того, инвесторы могли рассчитывать на компенсации при расторжении соглашений в результате форсмажорных обстоятельств. Такого рода комплекс государственных гарантий помог Корею предотвратить массовые дефолты инфраструктурных проектов и поддержать докризисные темпы развития экономики.

В Индии привлеченные в 2008 году Индийской инфраструктурной финансовой компанией за счет выпуска государственных облигаций и привлеченных кредитов международных финансовых организаций (Всемирного банка, Азиатского банка развития и Европейского инвестиционного банка) средства направлялись на кредитование инфраструктурных проектов на льготных

⁵ В пандемию количество ГЧП-проектов сократилось на 40% (интервью с генеральным директором Национального центра ГЧП // Российская газета. Электронный выпуск от 22 сентября 2021 года. URL: <https://rg.ru/2021/09/22/v-pandemiiu-kolichestvo-gchp-proektov-sokratilos-na-40.html>).

⁶ Инфраструктура и пандемия: потери отрасли в 2020 году. Аналитический обзор. – М.: InfraOne Research, 2021. – С. 7. // Электронный ресурс. URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/document/f67bc06bb843d383d4bf6dfe0f6fe4ac.pdf>

⁷ Кризис и инфраструктура. Стоит ли сокращать расходы на инфраструктурные проекты. – М.: Национальный центр государственно-частного партнерства, 2020. С. 8.

условиях, а также на субсидирование процентных ставок по кредитам коммерческих банков при финансировании проектов в рамках государственно-частного партнерства. Индийская экономика пережила кризис и к 2010 году достигла темпов роста, превышавших докризисный уровень.

Кроме того, позднее, в 2016 году, Индией было инициировано создание международной коалиции стран, агентств ООН, международных банков развития, бизнеса и академических учреждений, целью которых является развитие устойчивой к бедствиям инфраструктуры - Коалиции за устойчивую к стихийным бедствиям инфраструктуру (CDRI). Одной из главных целей деятельности Коалиции является - служить платформой для содействия инвестициям в устойчивые к стихийным бедствиям системы инфраструктуры⁸.

Таким образом, накопленный опыт свидетельствует о том, что меры, предпринимаемые в различных странах для поддержки развития инфраструктуры, как правило, заключаются в выделении дополнительных средств на финансирование проектов. Разница заключается в объемах финансирования, его формах, приоритетных отраслях, а также в различии сочетаний объемов государственных и частных инвестиций. Так, Китай направил в 2020 году 7,6 трлн. юаней из консолидированного бюджета на поддержку инвестиционных проектов в транспортной отрасли, а также в сферу связи и информации (развитие 5G-сетей, создание центров обработки данных и «умных городов»). Также, прежде всего, в развитие IT-инфраструктуры вкладываются около 2 трлн. долл. в США. Транспортная инфраструктура – основное направление поддержки в антикризисных программах в Бразилии и Италии. Формами поддержки являются либо прямые бюджетные инвестиции, либо обеспечение бюджетных обязательств в проектах государственно-частного партнерства⁹.

В Индии государством оказывается прямая целевая поддержка развитию проектов в сельскохозяйственной инфраструктуре¹⁰.

В Республике Узбекистан и ряде других стран образуются специальные антикризисные инфраструктурные фонды из средств, привлекаемых, большей частью от международных финансовых организаций [5. С. 22].

Необходимо отметить, что не все страны приняли специальные меры по поддержке развития инфраструктуры, а ограничились общими мерами поддержки экономики, такими как расширение льготного кредитования (в том числе и за счет бюджетных средств) на поддержку оборотного капитала, прежде всего, малых и средних предприятий, отсрочка по уплате налогов и социальных платежей (в ряде случаев – и освобождение от уплаты некоторых налогов), отмена ограничений на выплату авансов по государственным контрактам, прямые дотации на выплату заработной платы и т. п. Это такие страны, как Австрия, Великобритания, Испания, Республика Корея и другие¹¹.

В Российской Федерации первоочередные меры были направлены на развитие инфраструктуры, непосредственно направленной на борьбу с распространением пандемии COVID-19. В этой связи необходимо отметить быстрое сооружение блокомодульных COVID-госпиталей, оперативное перепрофилирование множества больниц и поликлиник, скоростную организацию крупномасштабного производства средств индивидуальной защиты и вакцин, эффективное разделение «чистых» и «красных» зон стационаров, создание централизованных кислородных станций и т. п.

Всемирно признан опыт властей города Москвы по вариативному перепрофилированию под борьбу с COVID-19 крупных социальных объектов (спорткомплекс «Крылатское», ТРЦ «Сокольники», АТЦ «Москва», межотраслевой павильон номер 75 ВДНХ).

⁸ India Taking Lead Role to Bolster Cooperation Among South Asian Nations to Reduce Disasters: MoS MEA//New Delhi, September 29,2020 URL: <https://clck.ru/YS2tc>

⁹ Кризис и инфраструктура. Стоит ли сокращать расходы на инфраструктурные проекты. – М.: Национальный центр государственно-частного партнерства, 2020.

¹⁰ Опыт государств в борьбе с пандемией COVID-19. Сборник страновых кейсов. – М.: Департамент международного и регионального сотрудничества Счетной палаты Российской Федерации, август 2020 г. – С. 94. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/casebook_COVID-19.pdf

¹¹ Опыт государств в борьбе с пандемией COVID-19. Сборник страновых кейсов. – М.: Департамент международного и регионального сотрудничества Счетной палаты Российской Федерации, август 2020 г. – С. 94. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/casebook_COVID-19.pdf

Для переведенных под COVID стационаров (частично или полностью более двух десятков городских клиник), была предусмотрена возможность обратного реверса с оперативным возвратом в эпидэксплуатацию при возникновении повторных волн коронавирусной инфекции. Так же высоко оценена практика региональных и муниципальных властных структур Москвы и Московской области по мобилизации финансовых, кадровых и пространственных ресурсов, организации волонтерского движения, массовой социальной защите заболевших и заразившихся, функционированию множества прививочных терминалов, контролю масочного и изоляционного режимов и т.п.

К достижениям и перспективам последующего задействования транспортной инфраструктуры следует причислить: тотальное насаждение масочно-перчаточного режима во всех видах транспорта и объектах массового пребывания людей, оперативную блокировку и минимизацию трансграничных маршрутов и человеческих потоков в аэропортах и на вокзалах, введение cashback возвратов части затрат граждан на маршрутах внутреннего туризма с целью замещения загранпоездки и т. д.

Нельзя не отметить и завоевания информационно-коммуникационной инфраструктуры: репортажную активность и оперативность печатных и электронных средств массовой информации, показательность и сопоставимость в подаче отечественных и зарубежных новостей, наглядность и доступность национальной, локальной и международной статистики, электронизацию и цифровизацию работы медицинских регистратур и ведения медицинских карт, мгновенное обнародование COVID-прецедентов с VIP-персонами и героики медперсонала, наглядную визуализацию необходимой информации на рекламоносителях, упреждающую корректировку софт-обеспечения соответствующих медико-социальных, отчетно-аналитических и аппаратурно-технологических процессов, политико-пропагандистский эффект от предоставления Российской помощи медикам и населению как слаборазвитых, так и высокоразвитых проблемных государств.

Переходя к рассмотрению поддержки развития инфраструктурных проектов в более широком аспекте, необходимо отметить, что основные мероприятия по преодолению последствий распространения пандемии коронавируса федерального уровня были сведены в Общенациональный План действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике¹², в котором инфраструктурным проектам посвящен раздел 5.7 «Крупнейшие инвестиционные проекты развития инфраструктуры». Всего в разделе содержатся 30 проектов в транспортной, топливно-энергетической отраслях и в дорожном хозяйстве. Из этих 30 проектов имеется только 6 проектов, началом реализации которых установлен 2020 год. Начало остальных проектов приходится на более ранние годы (начиная с 2008-го!), в связи с чем возникает вопрос о том, по какому принципу включались меры поддержки в указанный документ.

Так, например, раздел того же Плана, касающийся поддержки населения «Адресные денежные выплаты», содержит перечень только тех мер, которые были разработаны в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции и призваны ослабить ее негативные последствия для населения. Раздел же, посвященный реализации инфраструктурных проектов, подобной последовательностью не отличается. В него, очевидно, включены все инфраструктурные проекты, как те, начало которым было положено в период пандемии, так и уже давно реализующиеся, что не позволяет с точностью выделить объем мер, непосредственно направленных на ликвидацию негативного влияния пандемического кризиса. Если же в данном случае речь идет о том, что ряд проектов, планировавшихся ранее, не исполнялись, и теперь работы по этим проектам подлежат активизации, или принято решение о существенном увеличении финансирования этих проектов, то, полагаем, такие нюансы должны были быть в документе обозначены.

В апреле 2021 года в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина

¹² Общенациональный План действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике: одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13-60855 от 2 октября 2020 г. // Информационно-правовой портал «Гарант». Электронный ресурс. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/>

Федеральному Собранию РФ была изложена дополнительная Программа поддержки экономики и населения в период развития кризиса, связанного с продолжающейся пандемией коронавируса¹³. Проблеме развития инфраструктуры и социальной сферы (подавляющая часть которой также относится к категории инфраструктуры) была посвящена большая часть послания – до 2/3 объема информации и объема предлагаемых инноваций.

Одним из механизмов поддержки, предложенных в послании, явилось предоставление льготных бюджетных кредитов, которые российские регионы смогут получить на развитие инфраструктуры. Для того чтобы получить такую финансовую поддержку, региону необходимо принять участие в отборе проектов. Федеральные средства могут быть потрачены, например, на проектирование, строительство или реконструкцию коммунальной, социальной и транспортной инфраструктуры. Займы также можно направить на приобретение городского транспорта и ещё ряд целей, связанных с развитием территорий.

Ожидается, что к 2024 году объём выданных инфраструктурных кредитов достигнет 500 млрд. рублей, такие займы позволят увеличить объёмы строительства новых жилых домов, больниц, школ, спортивных сооружений и дорог, обеспечат обновление жилищно-коммунального хозяйства. Всё это позволит улучшить качество жизни граждан, даст дополнительный импульс развитию экономики на местах.

Правила предоставления инфраструктурных бюджетных кредитов были утверждены Правительством Российской Федерации в июле 2021 года. Они будут выдаваться на срок не менее 15 лет по ставке не выше 3%. Погашение кредита стартует с третьего года после его получения, что дополнительно снизит нагрузку на региональные бюджеты. Предполагается затем продлить действие программы до 2026 года с выделением регионам еще 500 млрд. руб.¹⁴

Кроме того, часть займов, полученных регионами в декабре 2020 года на срок до 1 июля 2021 года, было решено реструктурировать по особой схеме: регионы получили рассрочку выплат до 2029 года при условии, что высвободившиеся средства будут направлены на развитие объектов инфраструктуры («реконструкция объектов транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктуры, подготовка проектной документации или подключение сооружений к инженерным сетям»), осуществляемой в рамках новых инвестиционных проектов. По условиям реструктуризации с 2021 по 2024 годы регионы могут погашать по 5% от суммы задолженности ежегодно, а с 2025 по 2029 годы – выплачивать остаток долга равными долями. Также предусмотрена возможность досрочного погашения задолженности.

Кроме указанных механизмов, Правительством Российской Федерации предложен выпуск инфраструктурных облигаций. Правила финансирования инфраструктурных проектов с помощью таких облигаций установлены Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 2459¹⁵. Целями внедрения данного механизма указаны:

- а) обеспечение экономического роста за счет реализации проектов строительства и (или) реконструкции объектов инфраструктуры;
- б) увеличение темпов строительства жилья за счет финансовой поддержки проектов жилищного строительства;
- в) привлечение средств широкого круга частных инвесторов для реализации проектов строительства и (или) реконструкции объектов инфраструктуры;
- г) достижение целевых показателей государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Посредством размещения инфраструктурных облигаций планируется до 2024 года

¹³ Послание Президента Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года // официальный интернет-сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Об утверждении Правил финансирования строительства (реконструкции) объектов инфраструктуры с использованием облигаций специализированных обществ проектного финансирования и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 2459 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101060029>

привлечь около 150 млрд. рублей¹⁶. Это позволит обеспечить предоставление льготных инфраструктурных займов под 4% сроком до 15 лет, а по отдельным проектам – до 30 лет. В то же время планируемая доходность самих облигаций – 8%, что делает их привлекательным инструментом для частных инвестиций.

Следует отметить, что в большинстве случаев финансирование проектов строится с использованием механизмов государственно-частного партнерства, являющегося эффективным средством развития инфраструктуры и содействия экономическому развитию [8. С. 11]. Необходимость же привлечения средств сторонних инвесторов в инфраструктурные проекты на той или иной территории обуславливается как нехваткой собственных средств, так и тем обстоятельством, что, по некоторым оценкам, только не более 10% капиталовложений формируется из прибыли от текущей хозяйственной деятельности экономических агентов территории [2. С. 100], что явно недостаточно.

Механизм взаимодействия с субъектами Российской Федерации отрабатывается в рамках пилотных проектов. Планируется начать строительство за счёт инфраструктурных облигаций в таких регионах, как Липецкая, Нижегородская, Сахалинская, Тульская, Тюменская, Челябинская и Свердловская области. Также вошла в число пилотных российских регионов Республика Саха (Якутия), которая в рамках нового инструмента бюджетного кредитования получит более 4 млрд. рублей на реализацию 3 масштабных инфраструктурных проектов.

Предполагается, что эти меры позволят развивать производство, повышать инвестиционную привлекательность регионов, поддерживать бизнес, создавать больше новых рабочих мест, и, в конечном итоге – улучшать качество жизни населения этих регионов.

Отбор проектов в целях предоставления займов осуществляется на конкурсной основе. Непосредственными эмитентами облигаций выступают специализированные обще-

ства проектного финансирования (СОПФ), создаваемые единым институтом развития в жилищной сфере (АО «ДОМ.РФ») и другими организациями, определяемыми Правительством Российской Федерации (Государственная компания «Автодор» – строительство дорог, ВЭБ – финансирование строительства коммунальной и транспортной инфраструктуры в городах).

8 июля 2021 года был опубликован пресс-релиз АО «ДОМ.РФ» об утверждении первого проекта, финансирование которого осуществляется с помощью инфраструктурных облигаций, – строительство жилого квартала «Белый хутор» в Челябинской области. Соответственно, было объявлено и о создании специализированного общества проектного финансирования, которое должно заниматься финансированием проектов с помощью инфраструктурных облигаций¹⁷. ВЭБ создал специализированное общество проектного финансирования еще в 2018 году. Относительно ООО «Автодор» не удалось найти сообщений об учреждении аналогичного органа.

Полагаем, что необходимым элементом реализуемого плана поддержки инфраструктурных проектов, как и любого другого стратегического плана, должна стать объективная оценка его эффективности [9], производимая как по ходу осуществления, так и по завершении реализации плана.

Заключение

Российская Федерация вошла в число немногих стран, в которых в условиях развития негативных процессов в экономике, связанных с распространением коронавирусной инфекции, значительные меры государственной поддержки были направлены на реализацию инфраструктурных проектов.

В качестве механизмов поддержки использованы следующие: предоставление льготных целевых бюджетных кредитов (в том числе на замещение коммерческих займов), реструктуризация ранее выданных бюджетных кредитов на льготных условиях,

¹⁶ Трубилина М. Правительство разработало инфраструктурное меню для городов // Российская газета. Электронная версия. Выпуск от 15 июля 2021 года. URL: <https://rg.ru/2021/07/15/infrastrukturnoe-meniu-sde-laet-goroda-komfortnee.html>

¹⁷ Определён первый проект для финансирования с помощью инфраструктурных облигаций ДОМ.РФ // Официальный интернет-сайт государственной компании ДОМ.РФ. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/media/news/opredelyen-pervyy-proekt-dlya-finansirovaniya-s-pomoshchyu-infrastrukturnykh-obligatsiy-dom-rf/>

финансирование проектов за счет средств, вырученных от размещения инфраструктурных облигаций с государственной поддержкой.

Следует отметить, что меры государственной поддержки инфраструктурных проектов не носят характер безвозмездных субсидий. Несмотря на льготные условия, бюджетные и внебюджетные средства предоставляются на возвратной основе.

В целом, предложенный комплекс мер относится к числу мер, уже основательно закрепившихся и хорошо зарекомендовавших себя в зарубежной практике государственного управления.

Необходимо констатировать некоторую отраслевую ограниченность мер поддержки: они направлены практически полностью в такие сферы, как жилищно-коммунальная и транспортная инфраструктура, частично – в топливно-энергетическую сферу.

Нормативное обеспечение мер государственной поддержки в некоторых случаях не отличается последовательностью: в руководящих документах, посвященных непосредственно регулированию предоставления мер поддержки, невозможно с определенностью выделить проекты, разработанные непосредственно в период пандемии, и направленные на преодоление ее последствий. Кроме того, с учетом необходимости оперативного ответа вызовам, связанным с негативным влиянием пандемии на развитие инфраструктуры, вызывает сомнение отсутствие в нормативных документах четко установленных сроков исполнения отдельных положений (например, не установлены предельные сроки создания специализированных обществ проектного финансирования, ответственных за размещение инфраструктурных облигаций, и сроки начала этого размещения).

Литература:

1. Антонюк В.С., Данилова И.В., Мительман С.А., Буликеева А.Ж. Управление социальной инфраструктурой регионов в системе инструментов повышения качества жизни населения регионов // Экономика региона. 2015. № 3. С. 53-66. DOI: 10.17059/2015-3-5.
2. Городецкий Д.И. Инновационная стратегия местной власти – главный ресурс муниципальной реформы // Федерализм. 2011. № 4(64). С. 95-106.
3. Жундриков А., Якунина Е., Барцева Г., Снежко А. Инвестиции в инфраструктуру: как пандемия коронавируса скажется на отрасли? // Аналитическое агентство InfraOne Research. № 7 (31)/24.03-07.04.2020. С. 1-17.
4. Жундриков А., Якунина Е., Галактионова А. Инфраструктура и пандемия: потери отрасли в 2020 году. Аналитический обзор. М.: InfraOne Research, 2021. 18 с.
5. Курбанова Д.М., Каримов М.М., Костюченко А.В. Влияние антикризисных мер на состояние предпринимательства и инвестиционной деятельности в Узбекистане в связи с пандемией коронавирусной инфекции // Экономика: анализы и прогнозы. 2020. № 5-6(8-9). С. 17-28.
6. Мельников П. А. Влияние коронавируса на инфраструктурные проекты. Международный контекст // Независимый электронный журнал «Geoinfo». URL: <https://www.geoinfo.ru/products-pdf/vliyanie-koronavirusana-infrastrukturnye-proekty-mezhdunarodnyj-kontekst.pdf>
7. Николаева М.Г., Мордовченков Н.В. Региональная инфраструктура и качество жизни населения: межсистемное взаимодействие // Экономика региона. 2010. № 2. С. 197-203.
8. Парахина В.Н., Борис О. А., Воронцова Г.В. Факторы экономической эффективности государственно-частного партнерства // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации: сборник трудов XXII Всероссийской научно-практической конференции 19-20 ноября 2020 года. Симферополь, 2020. С. 10-15.
9. Шпакова Р.Н. Стратегии социально-экономического развития регионов: от оценки достижения целей к оценке эффективности // Вестник Евразийской науки. 2019. № 2. Том 11. URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN219.pdf>
10. Brett M. Frischmann. Infrastructure. The Social Value of Shared Resources. New York: Oxford University Press. 2012. 436 p.
11. S S King et al 2021 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 682 012047. DOI: 10.1088/1755-1315/682/1/012047.
12. Sychugov A.A., Akhmetshin E.M., Grishin V.M., Shpakova R.N., Plotnikov A.V. Algorithm determine trust value to the distributed information systems elements // Journal of Mechanical Engineering Research and Developments. 2019. Vol. 42. № 2. P. 6-9.

TOOLS TO SUPPORT INFRASTRUCTURE PROJECTS IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL FIGHT AGAINST COVID-19 PANDEMIC

Introduction. The article is devoted to the study of mechanisms for supporting infrastructure projects in the context of the spread of the COVID-19 pandemic in the Russian Federation.

Materials and methods. The research materials were normative acts, information and reference materials of ministries and departments, commercial organizations related to the implementation of state policy in the field of development of infrastructure sectors of the economy and elimination of the consequences of the COVID-19 pandemic. Expert opinions, reports of rating agencies, publications in Russian and foreign publications were also used in the preparation of the article.

The following research methods were used: statistical methods, methods of formal logic, description and interpretation, interpretation of normative acts. The study is based on the characteristics and analysis of the main points of the process of implementing state support for infrastructure projects.

The results of the study. The implementation of infrastructure projects during the economic crisis, as long-term experience (since the 30s of the last century) shows, is one of the most important ways to reduce negative consequences due to the multiplicative effect generated during the implementation of these projects.

The most vulnerable infrastructure sectors are transport, energy and social, while the municipal infrastructure suffers to a lesser extent. By the end of 2020, projects either under construction or commissioned, but significantly dependent on consumer demand, suffered the most.

The Russian Federation was among the few countries where significant state support for the implementation of infrastructure projects was carried out in the context of the pandemic. At the same time, a fairly wide and flexible toolkit was used: the provision of preferential targeted budget loans, the restructuring of previously issued budget loans on preferential terms, the financing of projects at the expense of the proceeds from the placement of infrastructure bonds with state support.

Discussion and conclusion. It should be noted that there is a certain sectoral limitation of support measures: for the most part, support measures are implemented in such areas as housing and communal services and transport infrastructure, partly in the fuel and energy sector.

The regulatory provision of state support measures does not differ in consistency. In the guidance documents, it is impossible to single out projects developed directly during the pandemic with a certain accuracy. In addition, given the need for a prompt response to events related to the negative impact of the pandemic on infrastructure development, the absence of clearly defined deadlines for the implementation of certain guidelines in regulatory documents is questionable.

Dmitry I. Gorodetsky,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Local Administration and
National Politics, Odintsovo Campus of
MGIMO University

Ключевые слова:

инфраструктура, инфраструктурный проект, государственно-частное партнерство, пандемия COVID-19, бюджетный кредит, инфраструктурная облигация, реструктуризация.

Keywords:

infrastructure, infrastructure project, public-private partnership, COVID-19 pandemic, budget loan, infrastructure bond, restructuring.

References:

1. Antonyuk V.S., Danilova I.V., Mitelman S.A., Bulikeeva A.Zh., 2015. Upravlenie sotsialnoi infrastrukturoi regionov v sisteme instrumentov povysheniya kachestva zhizni naseleniya regionov [Regional Social Infrastructure Management as the Instrument for Improving the Quality of Life in the Ural Federal District]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. № 3. P. 53-66.
2. Gorodeckij D.I., 2011. Innovacionnaya strategiya mestnoj vlasti – glavnyj resurs municipal'noj reform [The Innovative Strategy of the Local Authority - the Main Resource of the Municipal Reform]. *Federalizm [Federalism]*. № 4(64). P. 95-106.
3. Zhundrikov A., Yakunina E., Barceva G., Snezhko A., 2020. Investicii v infrastrukturu: kak pandemiya koronavirusa skazhetsya na otrasli? [Infrastructure investments: how will the coronavirus pandemic affect the industry?]. *Analiticheskoe agentstvo InfraOne Research [Analytical agency InfraONE Research]*. № 7(31). P. 1-17.

4. Zhundrikov A., YAKunina E., Galaktionova A., 2021. Infrastruktura i pandemiya: poteri otrasli v 2020 godu. Analiticheskij obzor [Infrastructure and the pandemic: industry losses in 2020. Analytical review]. Moscow, 18 p.
5. Kurbanova D. M., Karimov M. M., Kostyuchenko A. V., 2020. Vliyaniye antikrizisnykh mer na sostoyaniye predprinimatel'stva i investitsionnoy deyatel'nosti v Uzbekistane v svyazi s pandemiej koronavirusnoy infekcii [The impact of anti-crisis measures on the state of entrepreneurship and investment activity in Uzbekistan in connection with the coronavirus pandemic]. *Ekonomika: analizy i prognozy [Economics: analyses and forecasts]*. № 5-6(8-9). P. 17-28.
6. Mel'nikov P.A., 2020. Vliyaniye koronavirusa na infrastrukturnye proekty. Mezhdunarodnyj kontekst [The impact of coronavirus on infrastructure projects. International context]. *Nezavisimyj elektronnyj zhurnal «Geoinfo» [Independent electronic magazine "Geoinfo"]*. URL: <https://www.geoinfo.ru./products-pdf/vliyaniye-koronavirusa-na-infrastrukturnye-proekty-mezhdunarodnyj-kontekst.pdf>
7. Nikolaeva M. G., Mordovchenkov N. V., 2010. Regional'naya infrastruktura i kachestvo zhizni naseleniya: mezhsistemnoe vzaimodejstvie [Regional infrastructure and quality of life of the population: intersystem interaction]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. № 2. P. 197-203.
8. Parahina V.N., Boris O.A., Voroncova G.V., 2020. Faktory ekonomicheskoy effektivnosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Factors of economic efficiency of public-private partnership]. In: Uстойchivoe razvitie social'no-ekonomicheskoy sistemy Rossijskoj Federacii: sbornik trudov XXII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 19-20 noyabrya 2020 goda [Sustainable development of the socio-economic system of the Russian Federation: Proceedings of the XXII All-Russian Scientific and Practical Conference on November 19-20, 2020]. Simferopol, P. 10-15.
9. Shpakova R.N., 2019. Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov: ot ocenki dostizheniya celej k ocenke effektivnosti [Strategies of socio-economic Development of Regions: from Assessment of Achievement of Goals to Assessment of Effectiveness]. *Vestnik Evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian Science]*. № 2. Tom 11. URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN219.pdf>
10. Brett M. Frischmann, 2012. Infrastructure. The Social Value of Shared Resources. New York: Oxford University Press. P. 436.
11. S S King et al 2021 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 682 012047 doi:10.1088/1755-1315/682/1/012047
12. Sychugov A.A., Akhmetshin E.M., Grishin V.M., Shpakova R.N., Plotnikov A.V., 2019. Algorithm determine trust value to the distributed information systems elements. *Journal of Mechanical Engineering Research and Developments*. Vol. 42. № 2. P. 6-9.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Елена Зиновьева*

DOI 10.24833/2073-8420-2021-4-61-68-71

Рецензия на книгу: Мельникова О.А. Манипуляция общественным мнением и глобальная кибер-безопасность. Москва: Гнозис, 2021. – 208 с.

Манипуляция общественным сознанием становится важным фактором международной информационной безопасности и стабильности. Российская Федерация на протяжении многих лет выступает в поддержку формирования международного режима информационной безопасности, который учитывал бы весь спектр угроз в данной области, в том числе и проблемы манипуляции сознанием как инструмента воздействия на общественное мнение и вмешательства во внутренние дела. В рецензируемой монографии на системной основе рассмотрены внешнеполитические инициативы России в данной области и охарактеризовано влияние манипуляции общественным мнением на международную информационную безопасность и национальную безопасность Российской Федерации.

Всеобщая цифровизация всех сфер жизни и растущее влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на общество, которые создали уни-

кальные возможности для человечества, но одновременно способствовали нарастанию современных вызовов, связанных с их использованием, являются в настоящее время

* **Зиновьева Елена Сергеевна**, доктор политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов, заместитель директора Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО МИД России
e-mail: elena.zinovieva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5129-338X

одной из актуальных тем в политике и политологии.

ИКТ сегодня задают решающий вектор развития всей современной цивилизации. Новые тренды глобального прогресса – роботизация (искусственный интеллект), «облачные технологии», электронные государственные услуги (E-GOV), экономика «больших данных» (Big Data), блокчейны, безналичный оборот финансов, цифровая экономика, электронная медицина, беспилотный транспорт, интернет-вещей (IoT) – все это стало заложниками отсутствия международно-признанных стандартов поведения и безопасности в цифровой среде.

Отдавая должное значительной исследовательской работе, проделанной отечественными и зарубежными учеными в области исследования глобального информационного общества и влияния современных ИКТ, следует отметить еще недостаточную степень изучения вопросов о тактике и методологии манипулирования общественным сознанием, которое представляет собой вид духовного, психологического воздействия на психические структуры человека, которое осуществляется скрытно, путем программирования поведения людей и решения задач по изменению мнений, побуждений и целей в нужном манипулятору направлении, реализуемыми при помощи современных ИКТ.

Угрозу представляют и возникающие у людей объективные трудности с отбором достоверной информации при все возрастающем ее объеме. В условиях ее распространения посредством новейших ИКТ человек утрачивает способность самостоятельно систематизировать информацию и рассмотреть ее объективно. Теперь индивидуальный интеллектуальный анализ людей все больше подменяется заранее подготовленными, все чаще фейковыми алгоритмами, основанными на кибер-технологиях. Все это предоставляет широкие возможности для манипулирования обществом с помощью специально подобранной информации, навязывания ему целей, идущих вразрез с развитием цивилизации.

Всему этому комплексу вопросов посвящена монография О.А. Мельниковой «Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность».

Работу можно рассматривать как пример глубоко научного и серьезного политического исследования, которое содержит актуальную информацию о способах ведения информационных войн, цифровых операциях по воздействию на общественное

мнение и в конечном итоге – по его формированию. Должное внимание уделяется правовому регулированию деятельности государств в информационном пространстве, информационному обеспечению внешней политики современных государств как важнейшего элемента так называемой мягкой силы, а также другим аспектам использования ИКТ в современных международных отношениях. Особое место в исследовании уделяется такой, практически не исследованной ранее, теме, как информационное обеспечение внешнеполитической деятельности государства (ИОВД): представлены место и роль данного направления дипломатической деятельности в реализации внешнеполитических приоритетов Российской Федерации, раскрыты сущность и содержание ИОВД, изложены способы повышения ее эффективности. В частности, предложено авторское определение понятия «информационное обеспечение внешнеполитической деятельности», под которым в теоретическом плане понимается «функциональное пространство, в котором осуществляется реальное взаимодействие субъектов политической коммуникации» (С. 39), а в практическом – «использование всех имеющихся в распоряжении государства и общества каналов коммуникации в интересах реализации внешнеполитической стратегии государства и решения его основных задач на международной арене» (С. 64).

В книге подробно описана роль современных ИКТ в политической стратегии государств, в формировании арсенала средств целенаправленного воздействия на сознание масс, позволяющего с легкостью манипулировать и управлять общественным мнением. Часто путем подмены реальности фейками, социальные сети, мессенджеры, электронные СМИ, не имея границ и действуя фактически в режиме реального времени, способны существенно менять отношение людей к тому или иному событию или политическому лидеру, корректировать систему ценностей, создавать условия для дестабилизации государственной власти и подрыва ее легитимности. В условиях фактического доминирования ИКТ на смену классическим способам ведения переговоров и консультаций, принятым в дипломатической практике, приходят современные методы взаимодействия с партнерами по диалогу с применением широкого арсенала онлайн-средств и технологий (С. 12). Раскрытие механизма действия таких технологий, выявлению рисков их отрицательного

воздействия на мировую общественность и международную политическую ситуацию в целом и посвящена основная часть монографии. Не только описывается новый цифровой формат политического процесса, но и приводятся конкретные примеры различных способов манипулятивного воздействия ИКТ на сознание масс.

Актуальность данного исследования обусловлена и мировой пандемией коронавирусной инфекции, которая способствовала многократному увеличению всеобщей зависимости от ИКТ и, как следствие, усилила негативные процессы в данной сфере, что, безусловно, не может не отразиться и на вопросах информационного обеспечения внешнеполитической деятельности, которые являются неотъемлемой частью государственной информационной политики и значатся в числе традиционных приоритетов отечественной дипломатии.

В работе исследован значительный объем различных источников информации: нормативно-правовые акты и официальные документы, статистические и аналитические источники, материалы российских и зарубежных СМИ и др. Имеют значение сделанные автором теоретические и практические выводы, касающиеся важных элементов информационного обеспечения внешней политики, определенные критерии его эффективности и предложенные способы повышения его эффективности.

В *первой главе* исследования автором были рассмотрены вопросы об особенностях развития современной внешнеполитической коммуникации, сущности и содержания информационного обеспечения внешнеполитической деятельности, его место и роль в системе современной политической коммуникации. Показано, как своеобразное социально-информационное поле международной политики, каковым является политическая коммуникация, под воздействием ИКТ вызывает к жизни множество новых научных концептов, которые призваны обслуживать внешние и внутренние интересы государства (С. 23).

В результате проведенного исследования автор отмечает, что основным полем международной политической коммуникации становится виртуальное пространство, а одним из основных объектов, подверженных угрозам несанкционированного вторжения и откровенных провокаций – информационная сфера суверенного государства. Делается вывод о том, что значительная часть международных дискуссий и конфликтов,

переместившись в киберсферу, оказывается в той области отношений, в которой каких-либо четко установленных правил поведения до настоящего времени не было.

Во *второй главе* систематизируются наиболее значимые элементы как самого процесса информационного обеспечения внешнеполитической деятельности, так и способы его реализации с использованием ИКТ. В частности, раскрыты основные механизмы современной информационной войны, которая, как подчеркивается, соединяет в себе два начала: технологическое, представленное оружием и техническими средствами ведения информационной войны (радиоэлектронными бомбами, средствами электронной разведки и т.п.) и гуманитарное, «ставящее своей целью перепрограммирование информационного поля противника, а в конечном итоге – и его сознания» (с. 68). Таким образом, «субъектом и объектом таких войн является человеческий разум и его когнитивные возможности» (С. 69).

Исследуя особенности ИКТ во внешнеполитической стратегии современных государств, автор приходит к заключению, что в последнее время в глобальном информационном пространстве существенным трендом информационного воздействия на аудиторию является жесткое противостояние государств. Проведен сравнительный анализ особенностей реализации информационно-коммуникативной функции, эволюции форм и методов информационной деятельности дипломатических ведомств США, Великобритании, ФРГ, Японии, Франции, Китая, который позволяет заключить, что информационное воздействие на население собственного и зарубежных государств представляет собой мощнейший ресурс стратегического значения, которому принадлежит ключевое место в системе обеспечения информационной безопасности государств и соответствует двум задачам: 1) обеспечить информационную поддержку внешней политике собственного государства; 2) ослабить своих политических конкурентов.

На конкретных примерах показано, что в условиях широкого использования ИКТ и распространения глобальных информационных сетей применяются как классические формы информационного противоборства (пропаганда, дезинформация, психологическое давление), так и новые цифровые методы информационного воздействия – электронные фишинг, троллинг, астротурфинг, дефейс, фейки и другие способы фальсификации данных. Уделено внима-

ние такой острой и чувствительной для России теме, какой является деятельность по фальсификации истории, в рамках которой сама история становится полем для разнообразных манипуляций с целью извлечения той или иной политической выгоды стала значительно интенсивнее. Усилия фальсификаторов имеют целью не простое искажение исторических фактов, а разрушение духовных, культурных основ российского государства и ее народа.

Бесспорен один из значимых выводов исследования о том, что ужесточение конфронтации в информационной сфере означает, по сути, признание западными государствами того факта, что набирающая политический и дипломатический вес Россия становится действенной преградой США на пути к глобальному мировому господству (С. 124).

Третья глава монографии рассматривает вопросы совершенствования и корректи-

ровки основных элементов государственной информационной политики, представлен анализ места и возможной роли государственных и негосударственных институтов в реализации внешнеполитических приоритетов России. Содержит практические рекомендации автора по повышению эффективности работы органов государственной власти и институтов гражданского общества в информационной сфере.

Можно согласиться с содержащимся в аннотации к монографии тезисом о том, что работа будет полезна всем, кто на профессиональном уровне интересуется вопросами внешней политики государств и современными международными отношениями. В целом монография О.А. Мельниковой является вкладом в отечественную политологию и представляет собой конструктивный взгляд на положение дел в информационной сфере как важнейшем элементе национальной безопасности Российской Федерации.

ENSURING GLOBAL CYBER- SECURITY IN THE PRACTICE OF RUSSIAN DIPLOMACY

Book review: O. A. Melnikova Public Opinion Manipulation and Global Cyber Security. Moscow: Gnosis, 2021. -- 208 p.

Manipulation of public opinion is an important factor in international information security and stability. For many years, the Russian Federation has been supporting the formation of an international information security regime that would combat the entire spectrum of threats in this area, including the problem of manipulating consciousness as an instrument of influencing public opinion and interfering in internal affairs. The monograph

under review systematically examines Russia's foreign policy initiatives in this area and describes the impact of manipulation of public opinion on international information security and the national security of the Russian Federation.

Elena S. Zinovyeva,
Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of World Political Processes, Deputy Director of the Center for International Information Security and Scientific and Technological Policy of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ключевые слова:

информационная безопасность, международная информационная безопасность, международная безопасность, манипуляция общественным мнением, внешняя политика России.

Keywords:

information security, international information security, international security, manipulation of public opinion, Russian foreign policy.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имуществом, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Экономическая политика
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Теория политики
- Публичная дипломатия
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Магистерские программы двойного диплома:

Государственное и муниципальное управление

- Smart City Management (Seoul, South Korea)
- Digital Public Governance (Rome, Italy)
- Law, Digital Innovation and Sustainability (Rome, Italy)
- International Public and Business Administration (Macerata, Italy)

Политология

- GR and International Lobbying (Florence/Rome, Italy)
- Political Consulting and International Relations (Pisa, Italy)
- Russian Policies Studies (MSU, Moscow, Russia)
- Post-Soviet Public Policy (MSU, Moscow, Russia)

Международные отношения

- External Relations of Regions (Cagliari, Italy)

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-62
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,125.
Подписано в печать 27.01.2022 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 83

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна